

Глава 1.

Боливия после завоевания независимости.

Боливия, бывшее Верхнее или Горное Перу, с обретением в 1825 г. независимости, принесенной армией Освободителя Симона Боливара, представляла собой обширное, с относительно многочисленным населением государство, на территории которого находились основные богатства испанской короны – серебряные рудники Потоси, принесшие этому региону Америки славу как «сокровищнице Анд». По сравнению со своими соседями Боливия выглядела вполне богатой и сильной страной. Население Боливии в 1847 г., согласно данным первого статистического исследования, осуществленного выдающимся ученым и политиком Хосе Мариа Даленсе, составляло 1.373.896 человек, не считая около 760 тысяч «диких» индейских племен, живших на территории неосвоенных районов восточных равнин и Амазонии⁷⁴. Для сравнения, в Чили в этот период проживало 1.200.000 - 1.400.000 человек, а в Перу – около 1,5 миллиона⁷⁵. Более половины жителей новой страны, 701.558 человек, принадлежали к древним индейским народам кечуа и аймара. 659.398 человек считали себя белыми или метисами⁷⁶.

Подавляющее большинство населения Боливии жило обособленно согласно традициям и устоям, восходившим к доколумбовой эпохе. Горная страна была фактически отрезана от собственного тихоокеанского побережья. Для северных районов более естественным и легким был путь к морским портам Перу, нежели собственно боливийского побережья, где к тому же не было удобных бухт и заливов. Различные районы страны были обособлены из-за отсутствия дорог. Говорили, что Буэнос-Айрес ближе к Европе, нежели г.Кочабамба к г. Санта-Крусу, расположенному на расстоянии нескольких сот километров. Боливия представляла собой конгломерат имевших мало общего и мало интересующихся друг другом регионов. На севере крупный торговый центр Ла-Пас тяготел к южному Перу, на юге центр добычи серебра, Потоси,

⁷⁴ Dalence J.M. Op.cit., P.177.

⁷⁵ Demélas M.D. Op.cit., P. 286.

⁷⁶ Dalence J.M. Op.cit., P.201.

административная и политическая столица страны Сукре (Чукисака) были более связаны с северными районами Аргентины. В крупный ремесленный и сельскохозяйственный центр выросла Кочабамба, а абсолютно независимой жизнью жил Санта-Крус, отрезанный горами и тропическими лесами от центра страны.

Боливия в первой половине XIX в.

Малонаселенные и труднодоступные тропические районы востока страны и тихоокеанское побережье на западе не имели устойчивых связей с центром Боливии. Все указанные районы отличались друг от друга по ряду характеристик, порой имели различные

экономические интересы, что порождало серьезные центробежные тенденции и внутренние противоречия. Боливии еще предстояло пройти долгий путь национальной интеграции, формирования нации со всеми ее атрибутами, территорией, единым государством, национальным самосознанием.

Серебро – главное богатство страны.

Ведущей отраслью боливийской экономики всегда была горно-рудная промышленность. Добыча серебра в Потоси стала символом богатства и процветания. Потоси несколько столетий был синонимом Эльдorado, несметных сокровищ колониальных владений Испании в Америке. В это период, с 1556 г. по 1783 г. Испания получила из Потоси серебра на 1 млрд песо⁷⁷. Обеспечивая рудники бесплатной рабочей силой индейцев при помощи миты, системы принудительного труда, унаследованной ещё с инкских времен, испанцы добились выдающихся результатов в этой отрасли.

В период с 1737 г. по 1780 г. добыча серебра в Потоси переживала подъем. Рост составлял в среднем 2% в год, что позволило удвоить производство к концу этого периода⁷⁸. Активно использовались как принудительный труд индейцев – митаю (несущих повинность миту), так и свободная наемная рабочая сила. Падение цен на сельскохозяйственную продукцию способствовало росту производства, так как удешевляло затраты на рабочую силу, а также толкало индейцев к продаже своего труда на свободном рынке с целью получения средств для уплаты трибуто. Добыча серебра стала привлекательным объектом для вложения капиталов: торговцы и чиновники стремились воспользоваться выгодной конъюнктурой. Многие рудники брались в аренду, в Потоси стали разрабатывать отвалы на старых шахтах. Горнозаводчики прибегали к кредиту, который охотно давал Королевский банк на условиях 5% годовых. Кредиты активно использовались для финансирования откачки воды из затопленных шахт, на их углубление в поисках богатых минералом пластов. Такова была обстановка в отрасли

⁷⁷ См. История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века. Т.1. М.,1991. С.99; М.Омисте приводит другие данные: с 1545 г. по 1864 г. в Потоси было добыто серебра на сумму в 3.630.928.362 песо – Omiste M. Crónicas potosinas. Notas históricas, estadísticas, biografías y políticas. Potosí, 1891. P.205.

⁷⁸ Bonilla H. El sistema colonial en América Española. Barcelona, 1991. P.72 - 74.

вплоть до конца XVIII века.

В конце XVIII века в горнодобыче стали проявляться признаки серьезного кризиса, являвшегося отражением как мировой экономической конъюнктуры, так и внутренних социально-экономических процессов, расшатывавших колониальную систему. С началом нового века возникли проблемы с митой, особенно после восстания Тупака Амару (Тупака Катари на территории Боливии). Засуха, длившаяся многие годы, лишила рудники воды, необходимой для приведения в действие механизмов на шахтах и на обогатительных заводах. Дорогой и дефицитной стала ртуть, без которой было невозможным амальгамирование серебра. Причиной тому были европейские войны, сделавшие проблематичными поставки ртути из Испании. Большинство арендаторов рудников разорились из-за роста стоимости аренды. У владельцев шахт не хватало капитала для их возрождения. Потоси переживал глубочайший упадок.

Война за независимость испанских колоний в Америке, особенно этап освобождения Перу, полностью дезорганизовал торговлю, что привело к самому серьезному спаду в горнодобыче. В период с 1820 г. по 1830 г. производство серебра упало на 30% по сравнению с предыдущим десятилетием, составив менее половины от уровня второй половины XVIII века⁷⁹. В Потоси работало только 26 рудников, 1800 были брошены своими владельцами; в Порко 33 действовали, а 1519 были оставлены; в Чичас на 22 производивших руду приходилось 650 закрытых. В районе Сика-Сика (Ла-Пас) работали только 9 из 329 рудников, в Инкисиви – 5 из 165, в Пакахес – 7 из 507. В Потоси из 39 обогатительных заводоуправлений в 1799 г. в середине XIX века работали только 17.⁸⁰ Некоторые города, специализировавшиеся исключительно на горнодобыче, как, например, Оруро пришли почти в полное запустение. Если в 1780 г. в Оруро проживало 25 тысяч человек, то в 1825 – только 5 тысяч. Французский путешественник Д'Орбиньи так описывал Оруро в 1830 г.: «Когда мы приблизились к Оруро, меня поразила деградация города, огромное количество домов были разрушены, казалось, жители покинули этот город... С трудом удалось найти обитаемый дом, чтобы попросить ночлег»⁸¹. Как отме-

⁷⁹ Historia de América Latina. Vol.6. América Latina Independiente, 1820 - 1870. Barcelona, 2000. P.263.

⁸⁰ Barragan R. Espacio urbano y dinámica étnica. La Paz en el siglo XIX. La Paz, 1990. P.52; Omiste M. Op.cit., P.460; Dalence J.M. Op.cit., P.260 – 263.

⁸¹ D'Orbingy A. Op.cit., P.870.

чал Х.М.Даленсе, многие шахты не разрабатывались, так как были затоплены, а капитал для покупки машин, насосов и т.д. отсутствовал⁸². Американский посланник в Боливии Дж.Апплетон писал: «Рудники работают все слабее,.. если не произойдет радикальных изменений или чуда, дела станут совсем плохими»⁸³.

Вслед за периодом стагнации в 30-е годы начался медленный подъем: с 1825 г. по 1830 г. производство увеличилось примерно на 10%, то есть по 2% в год⁸⁴. В 1825 г. в Монетном дворе Потоси было отчеканено серебра на 1.345.232 песо. К 1830 г. уровень производства увеличился до 1.789.301 песо, а к 1840 г. почти удвоился по сравнению с 1825 г., достигнув 2.600.507 песо.⁸⁵ Это было связано с общим оживлением региональной экономики, для которой Потоси всегда был источником денежных средств. Следует подчеркнуть тот факт, что это рост происходил без участия иностранного капитала. В первые годы после завоевания независимости английский капитал строил грандиозные планы по освоению рудников в знаменитом «Эльдорадо». Консул Англии в Перу Чарльз М.Рикеттс писал в Лондон в 1826 г., что намерен отправить Дж.Пентланда в Боливию для «изучения состояния горного дела и возможностей работы там британского капитала»⁸⁶. На лондонской бирже спекулянты активно играли на акциях возникавших горно-рудных обществ. В 1825 г. в Лондоне была создана компания с капиталом в 1 млн фунтов стерлингов для разработки рудников Потоси. Был снаряжен корабль с символическим названием «Потоси», нагруженный оборудованием и материалами на 100 тысяч фунтов стерлингов. Корабль достиг берегов Арики, но крах на бирже в 1826 г. погубил эту экспедицию. Имущество было распродано с молотка в Перу. Экспедиция так и не добралась до Потоси, которое на долгое время стало в Европе также синонимом спекуляций и афер⁸⁷.

⁸² Dalence J.M. Op.cit., P.75.

⁸³ Shipe S.H. The American legation in Bolivia. 1848 - 1879. Saint-Luis, 1967. P.85.

⁸⁴ Dalence J.M. Op.cit., P.263.

⁸⁵ Omiste M.Op.cit., P.55.

⁸⁶ British consular reports on the trade and politics of Latin America. 1824 – 1826. London, 1940.- Пентланд, действительно, побывал в Боливии

⁸⁷ Ibid., P.203 - 204; Д'Орбиньи предлагает иную версию этой истории: машины для рудников, прибывшие в Арику были столь тяжелы, что было невозможно перевезти их в Потоси. В результате их распродали как ме-

В производстве серебра, главного продукта всей отрасли, преобладал метод кипячения обогащенной руды и ртути. Отрасль зависела от поставок ртути из Испании и Перу. Ртуть была главным предметом импорта, составляла 13% стоимости всех товаров, ввозимых в Боливию. Цены на ртуть оставались высокими, что депрессивно сказывалось на всей отрасли в целом, так как в это время в Южной Америке не было известно иного способа производства серебра как только амальгамирование. Снижению цен мешала монополия Ротшильда на ртутных месторождениях в Испании, а блокада Буэнос-Айреса в 1839 - 1840 гг. вынудила перевести всю торговлю на Тихий океан, что удорожало доставку этого сырья⁸⁸. Проблема дороговизны ртути беспокоила власти Боливии. Президент А.Санта-Крус специальным декретом от 28 февраля 1838 г. создал общество для поиска и разработок ртути в Серро-де-Сервиса в департаменте Ла-Пас, где были обнаружены небольшие месторождения ртути. В сентябре 1846 г. нашли залежи ртути в самом Потоси, но они были столь незначительны, что не могло оказать решающего влияния на цену ртути⁸⁹.

Всего в отрасли на рудниках работало 8.278 человек, из них 4.720 были поденщики, и 1846 – носильщики (вытаскивавшие добытую руду на поверхность). Даленсе дал подробный отчет о средних заработках в отрасли: «Администратор обычно получает 50 песо в месяц, столько же финансовый директор; начальник рудника, который руководит работами на шахте – 30 - 40 песо, его помощники – по 20 - 25 песо; батраки-проходчики, вырубщики руды по 2 песо, плюс 4 реала за день работы в шахте; обычные поденщики 4 реала за миту⁹⁰, при этом обрабатывают по 9 смен-мит в неделю; женщины, дети и старики, занятые на рудниках получают по 2 - 3 реала за миту»⁹¹. Как отмечали Даленсе, Дж.Б.Пентланд и другие, главной проблемой отрасли была нехватка рабочих рук. На рудниках Потоси в 1832 г. было занято 861 человек, но чтобы поддерживать минимальную добычу на ещё не заброшенных шахтах,

таллолом, а инициатор этой экспедиции генерал Джеймс Парузиен не выдержал удара судьбы и скончался. – D'Orbigny A. Op.cit.,P.860

⁸⁸ Platt T. Estado tributario y librecambio en Potosí(siglo XIX). Mercado indígena, proyecto proteccionista. P.24.

⁸⁹ Omiste M.Op.cit., P.480 - 481.

⁹⁰ Мита в данном контексте – это смена работы на руднике, продолжительностью в несколько часов.

⁹¹ Dalence J.M. Op.cit., P.264.

остро не хватало 227 рабочих⁹².

В июне 1826 г. горнозаводчики Потоси в обращении к префекту своего департамента просили восстановить колониальную миту. Они утверждали, что индейцы сами страстно желают работать на рудниках на условиях старой миты. Авторы этого обращения приводили примеры, когда индейцы Чайянты упрасивали губернатора провинции восстановить миту, в обмен на которую общинники получили бы во владение землю и товары по системе репартименто (по сути принудительная продажа индейцам товаров владельцем рудника). Горнозаводчики просили правительство обеспечить индейцев-митайо земельными участками в собственность из фонда пустующих государственных земель. Владельцы рудников предлагали установить контроль со стороны властей за регулярной и честной выплатой зарплаты, чтобы индейцы прониклись доверием к новой мите⁹³.

Боливийские правительства пытались удовлетворить просьбы заводчиков. В 1829 г. А.Санта-Крус объявил о «добровольной мите», когда общинников перевозили в Потоси в обмен на налоговые послабления. Эта система практиковалась несколько лет: в период с 1829 г. по 1832 г. в Потоси было перемещено всего 300 общинников. С 1832 г. насильственное привлечение общинников к работам на рудниках прекратилось⁹⁴. Причина провала «добровольной миты» коренилась в неспособности государства проводить массовые переселения индейцев, с одной стороны, и в боязни креольской верхушки возможных индейских восстаний, с другой. «Добровольная мита» была крайне неэффективной, так как крестьяне-общинники были очень недисциплинированными рабочими. Они продолжали заниматься сельским хозяйством, покидая рудники во время сезонных работ на полях. Некоторые шахтовладельцы пытались в частном порядке прибегать к старому и проверенному методу – мите. Они заключали соглашения с общинами о выделении некоторого числа работников на определенный срок, в ответ платили за общинников подушную подать. Эта крипто-мита, как её называют некоторые исследователи, позднее трансформировались

⁹² Rodriguez Ostría G. El socavón y el sindicato. Ensayos históricos sobre los trabajadores mineros. Siglos XIX – XX. La Paz, 1991. P.26.

⁹³ Jimenez R., Pinto H. Op.cit., P.27 - 29,67.

⁹⁴ Rodriguez Ostría G. Op.cit., P.45.

в энганче – вербовку индейцев на рудники⁹⁵.

В этих условиях особое значение приобрела старая система кахчас, унаследованная с колониальных времен. Речь идет о работе в субботу и воскресенье на рудниках и отвалах всех желающих, в том числе и общинников из окрестностей. Эта система в некоторых удаленных районах Боливии (особенно в золотодобыче) существует и поныне. Индейцы приходили на рудники с собственным инвентарем (свечи, порох, кирки), который покупали у торговцев-метисов или брали в долг у ростовщиков на том же руднике. Этим же торговцам продавали минерал. Хозяину рудника доставалась половина добытой руды. Для Потоси, как и для всей отрасли, эта система была спасением и помогла поддерживать и даже наращивать производство серебра в течение первых сорока лет независимости страны. В 30-50-е годы 34% всего серебра, поступившего в Выкупной банк (*Banco de rescate*), обеспечивалось трудом кахчас⁹⁶. Это был единственный сектор в горнорудной отрасли, показатели которого не изменились в течение многих десятилетий. В коммерциализацию добытой кахчас руды включались хозяева рудников, мелкие и средние городские торговцы и ростовщики. Из системы традиционных взаимоотношений с местными общинами, основанной на предании и неписаных правилах, кахчас стала орудием вовлечения индейцев в товарно-денежные отношения и постепенного превращения части крестьянства в постоянных рабочих рудников. Кахчас способствовала активизации торговой деятельности самих общин. В определенной степени, можно согласиться с некоторыми историками, в частности с Т.Платто, утверждавшими, что именно система кахчас была ключевым элементом в первоначальном накоплении. При отсутствии капитала система кахчас сформировала будущих магнатов горного дела, таких как Патиньо, Арамайо, Арсе и других, создавших своё состояние на скупке руды у кахчас⁹⁷. Постепенно из общинников, полностью переходивших на работу кахчас складывался рабочий класс рудников.

Заводчики в Потоси искали решения проблемы рабочей силы путем введения технических новшеств. Много примеров новаторства было в сфере обогащения руды, когда её перемалывали и смешивали со ртутью. В первые века после конкисы размельчен-

⁹⁵ Gavira C. La minería del cobre e el Alto Perú. Las minas de Corocoro, 1750 - 1870.// Anuario.Archivo y Biblioteca Nacional de Bolivia. 2000. Sucre, 2000. P.50, 132.

⁹⁶ Rodriguez Ostria G. Op.cit., P.32 - 33.

⁹⁷ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.410.

ную руду (серебряный порошок) перемешивали со ртутью индейцы своими ногами. Естественно, что смертность была необычайно высока. При нехватке индейских ног, заводчики применяли машины, различной конструкции. Известен случай с машиной братьев Ортис из Потоси, применяемой на их фабриках в Боливии и в Серро-де-Паско (Перу). Примерно такую же машину сконструировал Мариано Сильвети⁹⁸. В 1851 г. в Потоси другие заводчики Х.М.Камачо и Х.М.Ракабадо также запатентовали машину для перемешивания руды и ртути. Изобретатели получали права на машину, за которую другие заводчики должны были платить патентные сборы, если бы захотели ею воспользоваться⁹⁹. Все эти машины приводились в действие мулом или ослом, что представлялось особым достоинством, так как в Потоси в отличие от Мексики не хватало воды, которая могла бы использоваться для приведения в действие этих машин. Ортисы и другие заводчики брали кредиты для строительства своих машин, и им удалось значительно увеличить производство. Среди владельцев рудников были и такие, кто привлекал иностранных техников и инженеров, вводил рациональную систему организации труда. Так, в 50-е годы Х.А.Арамайо пользовался посредничеством бывшего президента Боливии А.Санта-Крусом, проживавшего в Париже, для найма европейских инженеров и техников для своих рудников в Корокоро¹⁰⁰. Тот же Арамайо в 1852 г. провел реорганизацию рудников, принадлежавших акционерному обществу «Анкона», введя первый письменный регламент работ, установив четкое разделение труда на шахтах и обогатительных заводах¹⁰¹. Трудности со ртутью, водой, и главное, с рабочей силой были тем стимулом, который подталкивал предпринимателей к нововведениям.

Класс горнозаводчиков не был многочисленным. В 1833 г. в Потоси 19 заводчиков владели 70 шахтами. На старых отвалах специализировались 28 предпринимателей. Это был период самого глубокого спада. Постепенно с оживлением отрасли и рынка появились новые заводчики. Даленсе на конец 40-х годов привел цифру в 228 владельцев рудников, то есть в три раза больше, чем в предыдущем десятилетии¹⁰². Капитал, накопленный в торговле, обратился к горному делу, обеспечив подъем так называемого

⁹⁸ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.400.

⁹⁹ ANB. МН.1852. Т.13. No.11.

¹⁰⁰ ANB.СВ.1854. F.767.

¹⁰¹ Rodríguez Ostria G. Op.cit., P.38.

¹⁰² Dalence J.M. Op.cit., P.212.

«первого цикла серебра», то есть в 40 - 50-е годы XIX в. Купцы всегда были связаны с горнодобычей. В 50-е годы стал заметен интерес торгового капитала к горной отрасли. Яркий пример горнозаводчиков из купеческой среды – братья Ортисы, сделавшие свой капитал на торговле мулами из Сальты в Потоси, а затем купившие там рудники. Помещики-латифундисты также принимали активное участие в горнорудном деле. Например, видный политик эпохи президента Бельсу Бенинго Клавихо, крупный помещик из Ла-Паса, создал акционерное общество на рудниках в Корокоро¹⁰³. В 1850 - 1870 гг. горное дело в Боливии почти полностью перешло под контроль помещиков, тесно связанных с торговлей¹⁰⁴.

В 40-е годы XIX века в Боливии повсеместно возникали акционерные общества, в составе которых были как опытные заводчики со стажем, так и торговцы, помещики, чиновники. Коммерсант Г.Пачеко создал общество «Гуадалупе». В конце века он стал крупнейшим производителем серебра в Боливии. Некоторые общества были успешными, многие же разорились и исчезли. Одно из первых акционерных обществ, созданное в 1828 г. «Реаль Сокавон», насчитывало 40 вкладчиков. В 1844 г. было образовано «Общество Боливар» для работ в Потоси, но в 1850 г. оно разорилось с убытком в 27.500 песо.¹⁰⁵ Деятельность акционерных обществ охватывала не только Потоси и серебро, но и новые регионы и добычу новых металлов, как например, золото и медь. В 1845 г. на севере департамента Ла-Пас, в Типуани, было создано акционерное общество для добычи золота с капиталом в 27.300 песо. Общество состояло из 265 акционеров, которые в первый же год своего существования получили огромный доход в 38.857 песо¹⁰⁶.

Другой пример успешного освоения новой сферы в горном деле – это добыча меди в Корокоро. В 30-е годы там появились первые предприятия по производству меди, спрос на которую был велик как в Боливии, так и за рубежом. В Боливии её потребителем были сереброзаводчики, ремесленники и Монетный двор. В 1826 г. Цех серебродобытчиков жаловался правительству на нехватку меди и её дороговизну¹⁰⁷. Спрос на медь подтолкнул интерес к её добыче. Метод амальгамирования серебра требовал большого количества котлов из меди, что дало серьезный толчок для роста её добычи и

¹⁰³ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.446.

¹⁰⁴ Assadourian C.S., Bonilla H., Mitre A., Platt T. Op.cit., P.95.

¹⁰⁵ Omiste M.Op.cit., P.204 - 205.

¹⁰⁶ Barragan R. Op.cit., P.52.

¹⁰⁷ Jimenez R., Pinto H. Op.cit., P.14.

выплавки на рудниках в Корокоро. В 1846 г. в Корокоро было добыто 1.610 тонн меди, а в 50-е годы уже 4 – 6 тысяч тонн в год, затем производство этого металла упало до 2 тысяч в 80-е годы, так как поменялся сам метод извлечения серебра, и спрос на медь упал¹⁰⁸. К 1846 г. в Корокоро было уже 38 рудников, большинство которых принадлежало иностранцам и торговцам из Ла-Паса. Для развития своего дела горнозаводчики брали кредиты в Вальпараисо. В медные рудники вкладывали свои средства торговые дома Гурручаги из Такны, Эгурена (крупнейший ростовщик) из Ла-Паса. В 1847 г. там было создано «Общество реставрации» в составе 50 акционеров, представителей креольской элиты Ла-Паса. Среди них были чиновники, нотариусы, церковники, мелкие торговцы и даже ремесленники. В Корокоро приобрел рудник такой известный человек как герой Войны за независимость генерал О.Ф.Браун. Успешным было предприятие ирландца Х.У.Теаре, добившегося быстрого прогресса. Ему впоследствии продал свои рудники генерал Браун. Заводчик Х.У.Теаре был уникальным человеком, ставшим легендой в Боливии. Всю свою прибыль он раздавал бедным¹⁰⁹.

Многие иностранцы стремились вкладывать свои капиталы в горное дело. Пентланд в 20-е годы писал, что «любой иностранец может за бесценок приобрести рудники, которыми владеет государство»¹¹⁰. В 40-50-е годы рынок был переполнен европейскими товарами, и торговля не давала быстрой прибыли. Тогда торговцы обратили свои взоры к горной отрасли, куда потекли их капиталы. Это вызвало масштабные спекуляции рудниками. Из 40 крупных собственников рудников, непосредственно в Корокоро проживало лишь 19¹¹¹. Многие новорожденные общества вскоре лопнули. Выжили лишь те предприятия, которые имели доступ к кредиту, то есть связанные с иностранными торговыми домами в Такне и Вальпараисо. Ни одно боливийское акционерное общество, созданное в Корокоро в первой половине XIX в., не пережило 60-е годы¹¹².

Горнозаводчики не могли свободно распоряжаться добываемым золотом и серебром. Вплоть до 70-х годов XIX в. в Боливии сохранялась государственная монополия на чеканку и торговлю

¹⁰⁸ Gavira C. Op.cit., P.126.

¹⁰⁹ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.441 - 444.

¹¹⁰ Gavira Op.cit., P.131.

¹¹¹ La Epoca, No.835. 09.01.1851.

¹¹² El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.443.

серебром. До 1825 г. существовала монополия короны на торговлю золотом и серебром. Все производители этого металла должны были сдавать его в Королевский банк Сан-Карлос, получая вознаграждение по фиксированным ценам. В 1826 г. этот банк был переименован в Выкупной банк (Banco de Rescate). Все ездили в Потоси и сдавали свой металл в этот банк, который оценивал его качество и выплачивал вознаграждение¹¹³.

Президент Х.Бальивиан (1841 - 1847) предлагал ликвидировать государственную монополию и ввести свободную торговлю золотом и серебром. Аргентинские иммигранты-унитарии, в основном либералы-фритредеры, имевшие огромное влияние на Бальивиана, настаивали на введении свободной торговли серебром и упразднении Выкупного банка. В 1845 г. они предлагали продавать серебро по ценам свободного рынка, ориентируясь на чилийские цены. Эти предложения были отвергнуты, особенно агрессивной была пресса Потоси, города, жизненно заинтересованного в сохранении своей монополии на выплавку серебра и золота¹¹⁴. Однако и сами производители испугались этой радикальной меры, так как монополия государства гарантировала покупку металла по стабильным ценам¹¹⁵. Часть исследователей считает, что монополия государства мешала формированию капитала в частном секторе¹¹⁶. В определенной степени монополия была выгодна мелким заводчикам. В первых, процветала контрабанда, дававшая возможность извлекать дополнительную выгоду, когда повышался спрос на серебро. Во вторых, с того момента, когда боливийские правительства, начиная с А.Санта-Круса, с 1829 г. стали чеканить «слабое» песо, фебле, приравненное по номиналу к твердому песо, горнозаводчики получали вознаграждение от государства частью в «слабом», а частью в твердом песо, но с премией в виде фебле. Сами же предприниматели оплачивали труд рабочих, материалы (порой и импортную ртуть) и налоги в фебле, получая, таким образом, субвенцию в виде полноценного песо¹¹⁷. Более того, правительство А.Санта-Круса в 1833 г. снизило налог на серебро до 11%, что, по мнению Даленсе, способствовало росту производства¹¹⁸.

Серебро шло на внешний рынок в основном в виде чеканной

¹¹³ Aramayo A. Op.cit., P.56.

¹¹⁴ Mitre A. El monedero de los Andes, P.83.

¹¹⁵ Platt T. Estado tributario y librecambio en Potosí. Historia financiera, P.112.

¹¹⁶ Historia de América Latina. Vol.6. P.223 - 224.

¹¹⁷ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.395.

¹¹⁸ Dalence J.M. Op.cit., P.263.

монеты в оплату импорта. Другие металлы, как например, медь скупались иностранными, главным образом, английскими торговыми домами, фирмами «Найлорс», «Копрой и Ко.», «Хоусюрс и Ко.», «Х.Хеган и Ко.», а также домом Х.Миллет из Такны и американской компанией «П.Доулинг». Были и специализировавшиеся на скупке меди боливийские торговые дома, например, Хосе де Урия из Ла-Паса¹¹⁹.

Несмотря на все трудности и противоречия развития первой половины XIX в., несмотря на относительную стагнацию производства (хотя некоторые исследователи говорят о росте и «первом цикле серебра») главное состояло в постепенном изживании колониального прошлого с его системой принудительного труда на рудниках. Медленно, но вполне ясно отрасль становилась капиталистически организованной. Именно постепенные изменения в отрасли подготовили бурный рост 60 - 80-х годов XIX в., так называемый серебряный бум, да и последующий оловодобывающий цикл в истории горнорудной промышленности в Боливии.

После завоевания независимости в Боливии появились два перспективных экспортных товара, которые в глазах современников могли заменить собой серебро. Гуано и хинин стали объектами пристального внимания предпринимателей и государства, видевших в них альтернативу стагнировавшей горной отрасли. Гуано пользовалось большим спросом в Европе. Английские фирмы «Мейерс Блэндс» и «Гиббс Грасслей» приступили к разработке залежей гуано на тихоокеанском побережье Боливии. Они получили концессию от государства на разработку 6 тыс тонн в год в районе гуанеры Сан-Франсиско. Концессионеры должны были платить в казну большие авансовые платежи, что могли себе позволить только крупные торговые дома. В период с 1844 г. по 1849 г. «Мейерс Блэндс» добыла 39.428 тонн гуано¹²⁰. В конце 40-х годов добыча упала: в 1849 г. произвели только 2.418 тонн¹²¹. Англичане объясняли неудачи своего бизнеса конкуренцией перуанского гуано и выражали желание отказаться от концессии. Боливийское гуано залежало вдали от побережья в пустыне, под слоем почвы, что увеличивало себестоимость добычи

Если гуано концентрировалось на побережье, то хинную кору

¹¹⁹ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.446.

¹²⁰ ANB. МН.1850. Т.124. No.11-А. – письмо «Мейерс Блэндс» из Вальпараисо – Ромуальду Вильяльмилю от 24.07.1850.

¹²¹ Ibid., – письмо «Мейерс Блэндс» – министерство финансов от 9 .10.1850.

собирали в субтропических горах на севере департамента Ла-Пас. Многие годы Боливия оставалась фактическим монополистом в поставках этого ценного продукта на европейские рынки, где был высоким спрос на хинин из-за роста заболеваний малярией. В условиях упадка горного дела спасительным кругом тонущей боливийской экономики в глазах правительства Бельсу, да и всего общества, представлялся хинный промысел. Хина, пришедшая на смену серебру, в 30-40-е годы XIX века, казалось, станет новым Эльдorado. Рост заболеваний малярией в Европе вызвал огромный спрос на хинин, а Боливия была единственной страной, где были открыты массивы дикорастущего хинного дерева, хины (*Cinchona*). В 20-е годы с экспансией британской империи в регионах мира, традиционно страдавших от малярии, спрос на хинин вырос во много раз. Именно в эти годы английская Восточно-индийская компания ввезла в страны Азии и Африки хинной коры из Южной Америки на 100 тыс. фунтов стерлингов¹²².

Хининовый бум в Боливии продолжался в 30 – 40-е годы. В провинциях, где произрастали хинные деревья (*Chinchona*), в период с 1832 г. по 1846 г. население увеличилось в 4 раза. Местные жители забросили сельское хозяйство, полностью переключившись на сбор хинной коры¹²³. На торговле хинной корой вырос и окреп торговый слой Ла-Паса. Северные районы департамента Ла-Пас буквально были подвержены опустошительным набегам сборщиков. Однако монополия Боливии еще до изобретения химического заменителя хины, была подорвана открытием хинных растений в Перу и в Колумбии. Одновременно снизился спрос в Европе, где удалось провести мелиоративные работы во многих частях континента (север Италии, Англия) и снизить уровень зараженности малярийным комаром. Ожидания боливийцев спасительного действия хины на экономику не оправдались, несмотря на вовлечение в эту сферу больших капиталов.

Боливийское правительство пыталось отрегулировать торговлю хинной корой. Президент Балывиан 14 марта 1842 г. издал декрет об обязательном проходе товара через таможню Ла-Паса. Таким образом, элита Ла-Паса получила полный контроль над торговлей хинной корой. Затем, в 1844 г. появился закон об аукционах хинной коры в Ла-Пасе, а вскоре была создана особая монополия на торговлю хини-

¹²² Pérez C. D'Orbigny and Bolivia's Chinchona Bark Frontier.// *Bolivian Studies*. Vol.VII, 1997. The University of Akron. P.87.

¹²³ Pérez C. *Cascarilleros y comerciantes*, P.87 - 95.

ном – компания «Пинто и Ко.» Эта фирма принадлежала близким к президенту аргентинцам П.Х.Порталю и Х.Т.Пинто, а также боливийцам И.Уиси, К.Бакарресу, Б.Клавихо. Цель создания монополии состояла в удержании цен от падения и в упрощении взимания государством экспортных пошлин¹²⁴. Появление монопольной группы при Балвиание вызвало протест мелких предпринимателей, а также региональных элит в других районах, недовольных доминированием Ла-Паса¹²⁵. Контроль за компанией со стороны аргентинцев вызывал протест боливийцев, выступавших с националистическими лозунгами возвращения природных богатств в руки патриотов. Экономические интересы, связанные с хиной и серебром, а точнее борьбы за контроль над экспортом этих товаров, сыграли существенную роль в политической борьбе в первой половине XIX века.

Община и поместье: два антагониста в боливийской деревне.

Боливия была аграрной страной. Как и в других странах региона, в Боливии сосуществовали две системы землевладения: крупная частная собственность на землю, ведущая свою родословную от энкомьенд первых лет колонизации, пожалований короны и владений церкви, то есть в основном креольские поместья, и индейские общины-айлью. Даленсе утверждал, что в Боливии насчитывалось 5.135 частных землевладений и 106.132 земельных участков, числившихся за общинами. Всего в сельской местности проживало около 915 тысяч человек, из них общинников в айлью было 621.648 человек, то есть почти 70%¹²⁶. Остальные были либо мелкими независимыми землевладельцами, либо колонами (формально безземельными крестьянами), проживавшими на землях поместий. В первой половине XIX века это соотношение практически не менялось. В общине наблюдался прирост населения. Число мужчин-налогоплательщиков, то есть глав семейств, в общине увеличилось с 85.380 в 1838 г. до 94.939 в 1858 г., то есть более чем на 10%, а численность колонов в этот же период даже уменьшились с 35.440 глав семейств до 34.219. В 5 департаментах страны в свободных общинах проживало в 1838 г. 70% индейского на-

¹²⁴ Ibid., P.345.

¹²⁵ Historia y Cultura. No.24. La Paz. P.199.

¹²⁶ Dalence J.M. Op.cit., P.210-211.

селения, в 1858 – уже 73%, а в 1877 г. – 75%¹²⁷.

Поместья преобладали в Кочабамбе, частично в Чукисаке и Ла-рекахе. Это были районы переселения народов во времена Инков. Эти провинции – кечуанский остров среди индейцев аймара. В местах заселения митамак (переселенцев) сопротивление новым порядкам в период испанской колонизации была меньшим, и община уступала место поместью. В первой половине XIX века в Кочабамбе число индейцев-общинников неуклонно снижалось с 11.067 глав семейств в 1838 г. до 6.828 в 1877 г.¹²⁸ В середине века в этом районе на 1045 частных владений приходилось лишь 695 общин.

Начавшееся с 30-х годов XIX века экономическое оживление нашло отражение в возрождении интереса к сельскому хозяйству. В результате роста городов, прежде всего Ла-Паса, капиталовложения в сельскую округу, являющуюся поставщиком продуктов питания, стали привлекательными. В Ла-Пасе проживало множество землевладельцев, которые в основном были торговцами, чиновниками, лицами свободных профессий, так называемыми «докторами». В 80-е годы XIX века в городе Ла-Пас жило 2.304 помещичьих семей. Большинство (79,3%) владели лишь одним поместьем. Как правило, это были небольшие угодья, включавшие в себя одну или максимум две бывшие родственные общины. Большие латифундии распались на несколько поместий (асьенд), либо были скотоводческими владениями в малонаселенных районах. 12,4% землевладельцев имели по два поместья, и лишь 1,2% обладали более 5 поместий каждый. Доходы от этих поместий были невелики: от 40 до 2.000 песо в год, что соответствовало жалованию среднего чиновника или офицера¹²⁹.

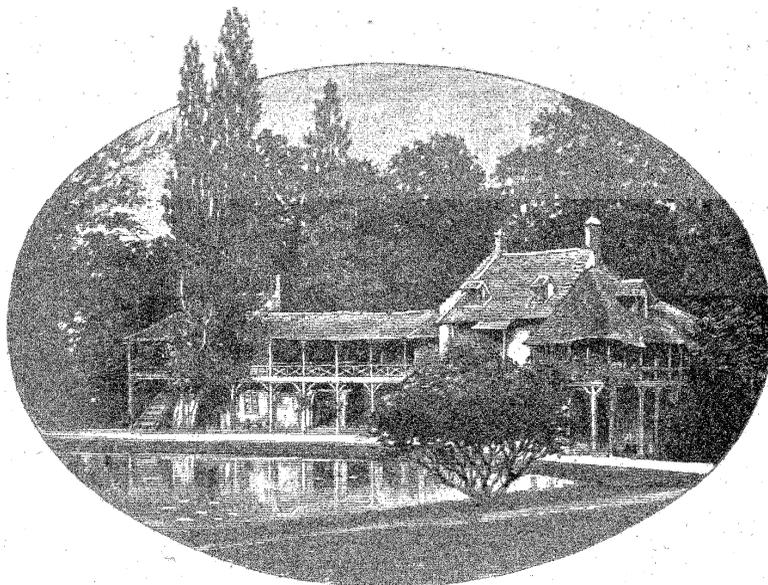
Землевладение было скорее фактором, определявшим кастово-классовую принадлежность собственника, нежели хозяйственно-экономической единицей. Стать асендадо – помещиком означало приобщиться к аристократии, касте бывших энкомендеро и потомков конкистадоров. Метисы и креолы, нажившие капитал на тор-

¹²⁷ Grieshaber E.P. Survival of Indian in Nineteenth Century Bolivia: A Regional Comparison // Journal of Latin American Studies. (далее JLAS) V.12. part.2. November, 1980. P.225 - 236; Klein S.H. Haciendas and Ayllus, Rural Society in the Bolivian Andes in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Stanford, 1993. P.184 - 185.

¹²⁸ Larson B. Indígenas, élites y estado en la formación de las repúblicas andinas. 1850 - 1910. Lima, 2002. P.370.

¹²⁹ Klein H. Haciendas and Ayllus. P.110, 150 - 153.

говле, в горном деле или на хининовом промысле, вкладывали его в земельную собственность. В Боливии в первой половине XIX века земля привлекала капитал, в основном, благодаря своему статусному весу, и в меньшей степени, как сфера хозяйственного вложения.

Поместье в Кочабамбе.

Только в зоне произрастания коки, благодаря ее высокой коммерческой привлекательности и в виду того, что там не было компактного автохтонного населения, крупные землевладельцы развивали производство, привлекали наемную рабочую силу и в незначительных масштабах рабов. В традиционных же районах долин и на Альтиплано поместье мало чем отличалось от общин в своей внутренней организации. Поместье состояло из крестьянских хозяйств колонов, уплачивавших ренту хозяину-землевладельцу и выполнявших некоторые бесплатные отработки по его личному обслуживанию в городе. При этом внутренняя хозяйственная структура общины полностью сохранялась и в рамках поместья.

Помимо частного землевладения все еще сохранялось церковное. В первые годы независимого существования республики маршал А.Х.Сукре провел секуляризацию церковного имущества. Несмотря на проведение радикальных антиклерикальных реформ

президента А.Х.Сукре, церковь смогла сохранить часть своей земельной собственности. К 1880 г. по сравнению с концом XVIII в. она сократилась лишь вдвое. Монастыри по-прежнему оставались крупными землевладельцами. 6 монастырей владели 36 поместьями. Мелким приходам только в департаменте Ла-Пас принадлежало 23 асьенды. Однако крупнейшие монастыри много потеряли после войны за независимость. Например, известный и чтимый верующими монастырь Пречистого Зачатия (de la Purisima Concepción) в Ла-Пасе в конце колониального господства владел 22 поместьями, а в 1881 г. у него осталось только 2¹³⁰. Несмотря на кажущуюся необратимость процесса секуляризации имущества церкви, её позиции не были окончательно подорваны. Даже два десятилетия спустя при покупке поместья Вискачани (известное своими целебными водами место) продавец оговаривал в купчей, что возможны претензии на собственность со стороны предыдущего владельца Монастыря «Дель Кармен», потерявшего землю в результате экспроприации (сумма покупки была значительной – 16 тысяч песо)¹³¹.

С началом оживления в экономике в 30-е годы возрос интерес городской элиты к собственности в деревне. Многие помещики сдавали свои поместья в аренду, особенно в районах, производящих пользующиеся спросом продукты, как-то, кока (Юнгас – Ла-Пас), пшеница (долины Кочабамбы). Обычно срок аренды был 10 лет, а годовая стоимость около 1000 песо, что свидетельствовало о её высокой доходности¹³². В середине века в покупку земли, особенно в городской округе, специализировавшейся на поставках продуктов питания (огородничество и животноводство) в города, стали вкладывать капитал крупные торговцы¹³³. В этих районах были созданы первые помещичьи организации: в 1830 г. Общество собственников Юнгас, в 1886 г. – Сельскохозяйственная кампания Конгуайо¹³⁴.

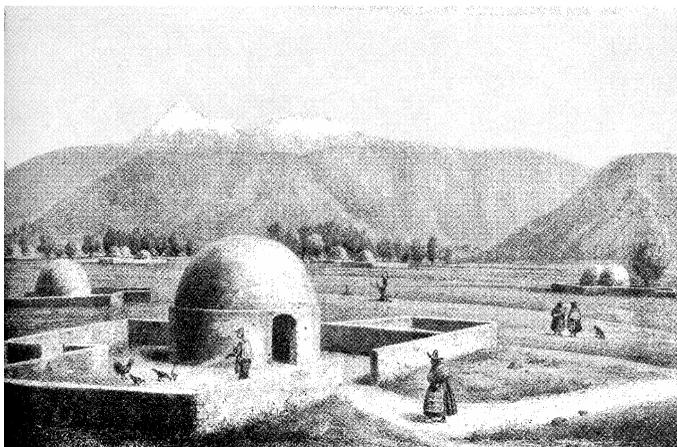
¹³⁰ Klein H. Haciendas and Ayllus. P.150 - 153; Klein H. The Structure of Hacendado Class in Late Eighteenth-Century Alto Peru: the Intendencia de La Paz.// HANR. v. 60, No.2. May, 1990. P.202 - 203.

¹³¹ ALP. PN. 1849 - 1855. C.4. f.31.

¹³² Данные почерпнуты из нотариальных актов по аренде поместий – ALP. PN. 1849 - 1855. C.4. f.197 - 198.

¹³³ Свидетельства тому изобилуют в актах купли-продажи нотариальных книг – ALP. PN. 1849 - 1855. C.4. f.90.

¹³⁴ Demelas D.M. Op.cit., P.354.

Деревня в долине Кочабамбы.

Лицо боливийской деревни определяла индейская община-айлью. Во многих районах, например, на Альтиплано, община преобладала или даже была единственной формой организации сельского населения. С завоеванием независимости индейцы-общинники стали первой жертвой либерально-модернизаторских проектов Боливар и Сукре. В 1825 г. индейцы были уравнены в правах с остальными жителями страны, была отменена подушная подать (трибуто), которая воспринималась индейцами как плата за «пакт взаимности» и невмешательство испанского государства во внутренние дела общины-айлью. Боливар предполагал создать на месте индейца-общинника частного землевладельца, свободного от пут «ретроградной и отсталой» организации айлью. Декретировалась продажа пустующих земель, многие из которых рассматривались общинниками как свои резервные и пастбищные угодья, являвшиеся составной частью системы высокогорного хозяйства. Пахотные земли общины предписывалось разделить среди крестьян в частную собственность, что в глазах индейцев было самым неприкрытым покушением на весь уклад жизни, означало конфискацию их земли. 22 декабря 1825 г. С.Боливар заменил старую налоговую податную систему на новую, основанную на прямом обложении всякого производящего капитала, в том числе и земли, вне зависимости от ее принадлежности и статуса. Все граждане с 18 до 60 лет от роду, за исключением военных, священников и инвалидов, должны были платить ежегодный личный взнос в 3 песо, а также 4% от дохода с сельской собственности и 3% от городской.

Помимо этого сбора индейцы должны были платить прочие налоги, что ранее покрывалось единой подушной податью¹³⁵.

Новая система сразу же натолкнулась на протесты «общества». Креолы и даже индейские касики, то есть индейская знать, возмущались тем, что их уравнивали в правах с простыми общинниками. Как отмечал в своих мемуарах один из видных политических деятелей Боливии первой половины XIX века Ф.Бурдетт О'Коннор, во время его разговора с А.Х.Сукре тот жаловался, что помещики подстрекают своих крестьян требовать восстановления трибуто¹³⁶. На самом деле, налоговый пресс на индейцев мог только увеличиться, а главное – разрушал пакт стабильности между властями и общинами, гарантировавший не только единый налог, но и неприкосновенность общины и ее устоев. Оппозиция реформе была всеобщая. Конгресс после президентского вето на закон о восстановлении трибуто принял компромиссный вариант, который А.Х.Сукре подписал 2 августа 1826 г. Трибуто был восстановлен, но с правом правительства отменить его в 1827 г., если обстоятельства позволят сделать это.

При президенте А.Санта-Крус в 1831 г. было окончательно восстановлено трибуто, чем был завершен радикальный эксперимент, реально проводить который ещё никто не начинал из-за отсутствия иных средств для финансирования государства. Отныне индейцы могли продавать землю только индейцам-общинникам, плательщикам трибуто. Целью А.Санта-Круса было восстановление структуры колониального налогообложения с тем, чтобы обеспечить наполняемость бюджета. В 1839 г. был введен запрет на куплю-продажу земель индейских общин, что создавало некие гарантии сохранения общинного уклада. Таким образом земля общин выводилась из коммерческого оборота, а институты айлью охранялись законом. В 1844 г. президент Балывиан (1841 - 1847) под влиянием аргентинских иммигрантов-унитариев, вдохновляемых примером аграрных законов Ривадавии¹³⁷, издал декрет об эмфитеусисе. Все общинные земли переводились в ранг государственных, а крестьяне-общинники становились простыми временными держателями, арендаторами земли. Это была очередная (по-

¹³⁵ Resistencia, rebelión y conciencia campesina en los Andes, siglos XVIII al XX. Lima, 1990. P.268.

¹³⁶ Lofstrom W.L. La presidencia de Sucre en Bolivia. Caracas, 1987. P.398.

¹³⁷ см. Комаров К.В. Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины. М., 1988.

сле Боливара) попытка либералов провести земельную реформу и ликвидировать главное, по их мнению, препятствие для успешного развития и прогресса – общину. Декрет об эмфитеусесе создавал юридические предпосылки для ликвидации общины и победы частного землевладения в боливийской деревне. Как и декрет Боливара, этот закон остался лишь на бумаге. В тот момент этот декрет не имел никаких реальных последствий для боливийской деревни, система землевладения в Боливии не изменилась. Однако закон об эмфитеусесе 1844 г. установил легальные основы для массовой распродажи земли общин при М.Мельгарехо в 60-е годы XIX века.

На середину 40-х годов XIX в. Даленсе насчитывал 621.468 индейцев-общинников (или 138.104 семей). Общинники делились на три категории, внутри которых были свои подразделения. Основной фигурой в общине были орихинарио (*originario*) или полноправные общинники. Они имели самый высокий статус, так как владели личным участком земли – сайяней (как правило самая лучшая земля) и нарезом в общей запашке (*айнока*), поля которой располагались в различных климатических зонах, что снижало риск потери урожая при погодных катаклизмах. Орихинарио был основной фигурой и для фискальной системы государства, ибо платил наибольший размер подушной подати – 9 песо и 7 реалов в год за семью¹³⁸. По данным Даленсе в Боливии было 48.295 хозяйств орихинарио. Следующими по общинной иерархии шли агрегадо (*agregado*) или приданные (меньшие) общинники, которые были чаще всего либо младшими сыновьями, получавшими лишь часть надела отца, либо унаследовавшие это положение потомки переселенцев в данную общину из родственных айлью, либо приданных ей во времена массовых переселений при Инках. Агрегадос, как правило, владели лишь участками в айнока, но и налогов платили меньше – 7 песо. Согласно Даленсе, агрегадос насчитывалось 57.837 семей. Это была самая многочисленная категория крестьян-общинников. Низшие ступени в общинной иерархии занимали форастерос или пришлые (чужаки), которые не имели своего участка земли, но сохраняли права на часть урожая в обмен на своё участие в полевых работах. Форастерос было 31.972 семьи. Платили они почти вдвое меньше налогов, чем орихинарио – 5 песо в

¹³⁸ Насколько тяжелым был налог можно судить по следующим сравнительным цифрам: 1 фанега (55,5 литра) пшеницы стоила 4 песо, – то есть для уплаты налога надо было продать целый центнер пшеницы – Dalence J.M. Op.cit., P.235.

год¹³⁹.

Помимо трибуто индейцы-общинники были обязаны работать в городах, поддерживать в порядке и ремонтировать общественные здания, церкви, дороги, мосты, обеспечивать доставку по стране почты. Военные могли требовать у крестьян предоставление жилья, питания, фуража, тканей для униформы, обязывать их переносить грузы и т.д.¹⁴⁰ Там, где преобладала община, например, на Альтиплано, весь этот гнет переносился без ропота. Индейцы даже приветствовали восстановление трибуто как символа возвращения к статус-кво времен колонии и как гарантии сохранения общин. В Кочабамбе, где преобладали поместья, эксплуатация городом и взимание трибуто было для общинников непосильной ношей. В результате, крестьяне стремились перейти в разряд чоло (метисов), которые подлежали общей системе налогообложения и освобождались от трибуто. Особенно уменьшилось число безземельных форастерос, переселявшихся в города. В Кочабамбе число плательщиков трибуто уменьшилось с 11.067 человек в 1838 г. до 6.828 в 1877 г.¹⁴¹ С другой стороны, на Альтиплано, где были сильны внутриобщинные связи и взаимная поддержка, индейцы, переезжая в города, становясь ремесленниками или наемными работниками, не порывали связей с общиной и предпочитали по-прежнему платить трибуто, формально оставаясь крестьянами, в то время как вполне могли быть освобождены от этого налога как городские жители¹⁴².

Необходимость раз в полгода платить трибуто вынуждала индейцев выходить на рынок в поисках денежных средств. Со времен Инков общины не были замкнутыми производственными единицами. Обмен продуктами был хорошо организован в рамках существовавших с древности «федераций» родственных айлью, расположенных в различных климатических зонах. Обмен продуктов холодного Альтиплано (картофель, шерсть) на плоды субтропических долин (кока, фрукты) составлял основу существования индейских народов аймара и кечуа. Приход испанского конкистадора сопровождался вовлечением индейцев в потребление ранее неизвестных продуктов. Индеец-крестьянин был полностью включен в меркантилистскую экономику испанских колониальных владений,

¹³⁹ Dalence J.M. *Op.cit.*, P.210 - 211.

¹⁴⁰ Demelas D.M. *Op.cit.*, P.351.

¹⁴¹ Larson B. *Op.cit.*, P.371.

¹⁴² Barragan R. *Op.cit.*, P.66.

а затем и новых латиноамериканских государств.

Общинники, как и поместные крестьяне, являлись активными действующими лицами рынка. Торговая активность села соответствовала возраставшему спросу на продукты сельского хозяйства в городах и горнорудных центрах¹⁴³. Существовала целая сеть крестьянских рынков, которые через ярмарки в крупных городах Ла-Пасе, Кочабамбе, Потоси, Тарихе были вовлечены в региональную систему торговли. По утверждению ряда исследователей (Т.Платт, А.Митре, Б.Ларсон), с завоеванием независимости региональные торговые связи, объединявшие в одно целое несколько частей соседних государств еще более укрепились. Центр и юг Боливии (Потоси, Чукисака, Тариха) были теснейшим образом связаны с аргентинским севером, а Ла-Пас был частью южно-перуанской экономики. Крестьянское хозяйство было вовлечено в торговлю в рамках региональной системы. Наиболее ярким примером этого были общины северного Потоси, района Чайянты. Там практически не было поместий, а основной экономической единицей оставалась традиционная община-айлью. Чайянта стала крупнейшим поставщиком пшеницы для Боливии и севера Аргентины. Вокруг торговли зерном общинами строилась вся региональная экономика. Крестьяне-общинники, являясь главными поставщиками зерна, были и крупными покупателями городской ремесленной продукции, а также импорта, в том числе и английского сукна¹⁴⁴. Процветание Чайянты закончилось в 70-е годы с введением свободной торговли. Импорт дешевого чилийского зерна (в 1860-е годы было ввезено 658 тонн в год, а в 1877 - 1878 гг. – 2.544 тонн) подорвал не только благосостояние общин северного Потоси, но и разрушил многие внутрорегиональные торговые связи, основы региональной экономики, базировавшейся на торговле зерном¹⁴⁵.

В районах, примыкающих к городам, крестьяне полностью ориентировались на местные рынки. Индейцы переходили на выращивание огородных и садовых культур. Обращает на себя внимание упоминание в актах завещаний индейцев проведенных улучшений и благоустройства огородов и садов, перечисление конкретных садовых деревьев¹⁴⁶. Имущество некоторых индейцев

¹⁴³ Klein H. Haciendas and Ayllus. P.128.

¹⁴⁴ Identidades andinas y lógicas del campesinado. Lima, 1986. P.17.

¹⁴⁵ Platt T. Estado boliviano y ayllu andino. P.70.

¹⁴⁶ ALP. PN. 1849 - 1855. С.4. f.18-19. В завещании упоминается огород, купленный за 55 песо, но благодаря улучшениям и посадкам, оцениваемый уже в 200 песо.

достигало крупной суммы в 500 песо. Так один из завещателей перечислял находящиеся в его владении 3 огорода, сад с 35 персиковыми деревьями, 7 участков земли с различными фруктовыми деревьями, что, судя по всему, высоко ценилось¹⁴⁷. Активное участие в торговле привело к появлению зажиточного крестьянства, владевшего собственностью, сравнимой по стоимости с небольшим поместьем. При этом формально они оставались общинниками, плательщиками подушной подати – трибута. Такие большие владения было невозможно обработать без привлечения труда со стороны. Как в колониальный период, так и в XIX, и в XX вв. эта проблема решалась внутри общины с помощью существовавших в ней механизмов экономической мобилизации и социального равновесия. Зажиточные общинники привлекали труд форастерос и безземельных утауауас в рамках системы взаимопомощи айни и минка, но при этом они были ответственны за сносное материальное существование низших категорий крестьян через раздачу продовольствия и проведение общинных празднеств.

Индейцы-общинники не просто выходили на местные рынки, где продавали свою продукцию горожанам, но также участвовали в перспективных, как сейчас сказали бы, инвестиционных проектах и сделках с городскими торговцами. Существовали многочисленные формы кредитования крестьянского предпринимательства, среди которых были как вполне традиционные займы, в основном, у церкви, так и новшества, например, договоры о кредите и разделе продукции. Так в качестве примера можно привести широко распространенную практику договоров, кстати, нотариально оформленных, о кредите, выданном торговцем крестьянину для поставки в город мяса и других продуктов на продажу. Крестьянин после завершения операции должен был вернуть кредит и поделиться 50% дохода. Этот заем достигал значительной суммы в 200 песо¹⁴⁸. Если исходить из цен, предложенных в статистическом исследовании Даленсе, этой суммы хватило бы для покупки 4000 фунтов баранины!¹⁴⁹ Крестьяне активно торговали как своими продуктами, так и скупали товары в сельской округе для перепродажи в городах. Все эти процессы свидетельствовали об интеграции общины в рыночное хозяйство.

Активное участие айлью в товарно-денежных отношениях не

¹⁴⁷ Ibidem.

¹⁴⁸ ALP. PN. 1849 - 1855. C.4. f.36-37.

¹⁴⁹ Dalence J.M. Op.cit., P.245.

приводило к разрушению внутриобщинных связей. Община вполне вписывалась в меркантилизованную экономику, сохраняя при этом свою внутреннюю автономию и уклад жизни. Либеральный тезис об изначальном противостоянии капиталистического рынка и общины является в большой степени ошибочным и односторонним. Община-айлью являлась не только и не столько экономическим институтом, сколько гарантом и орудием этнического и экологического выживания индейских народов кечуа и аймара. Сохранение индейской общины-айлью в течение всего XIX и XX веков свидетельствует о том, что вовлечение в рыночную экономику не ведет к исчезновению или к глубокой трансформации этого института социальной организации крестьянских народов кечуа и аймара. В этом смысле XIX век для общины мало чем отличался от сегодняшнего дня. Община была активным действующим лицом местного рынка и даже определяла его параметры, объем и темпы роста.

Торговля: протекционизм и фритредерство.

Показателем здоровья народного хозяйства страны была торговля. Несмотря на неразвитость дорог торговля между различными районами страны была интенсивной. Хотя, как утверждал Даленсе, сельскохозяйственные продукты потреблялись в той же местности, где и производились, всё-таки пшеница и кукуруза Кочабамбы и Чайянты поставлялись в Ла-Пас и Оруро. Тариха, выращивавшая также зерновые, снабжала Чичас, Атакаму и Чукисаку. Соль шла во все департаменты из Оруро. Мясо поставлялось из Томины и Асеро. Бени, где животноводство было единственной отраслью, из-за отсутствия дорог, не участвовал во внутреннем обмене. Департамент Санта-Крус поставлял сахар всей стране, за исключением Ла-Паса, к которому ближе и доступнее были южноперуанские рынки. Ла-Пас вырос на торговле кокой, выращиваемой в северной части департамента, в Юнгас. Из 441.927 корзин, собираемых в Юнгас, только 8,5 тысяч шли на экспорт, остальное потреблялось внутри страны¹⁵⁰. Ла-Пас постепенно вытеснил с боливийского рынка коку из Куско. Как отмечал в 1826г. английский путешественник и предприниматель.Пентланд: «Ла-Пас ныне – самый населенный город Боливии,.. здесь царит благоденствие значительный уровень комфорта у всех слоев населения. Именно

¹⁵⁰ Dalence J.M. Op.cit., P.277.

торговля кокой дала основные доходы богачам Ла-Паса»¹⁵¹.

Помимо коки через Ла-Пас из субтропиков севера департамента шли потоки товаров за границу и во внутренние районы Боливии: какао из Мапири и Аполо, табак, кока и хина из Ларекахи, табак, дерево, серебро из Инкисиви¹⁵². Согласно Даленсе, объем внутренней торговли достигал 45.655.292 песо в год. Объем внешней торговли давал лишь одну пятую этой цифры, около 9 млн песо. Большая часть внутренней торговли, 65% (29.844.300 песо), приходилась на сельскохозяйственные товары, а остальное были продукты ремесла и горнорудного дела¹⁵³. Как справедливо отмечают многие исследователи, начало XIX века было временем кризиса торговой системы, основанной на горном деле, на вывозе серебра в Испанию¹⁵⁴, и её переориентации на внутренние и региональные рынки, где ведущую позицию занимала сельскохозяйственная и ремесленная продукция.

Принятые меры по либерализации торговли после завоевания независимости не привели к полному освобождению от произвола чиновников на местах. Сохранилась система контроля муниципалитетов за торговлей на своей территории. В Сукре, например, индейцы, привозившие продукты в город, не могли свободно торговать на рынках, а должны были перепродавать монопольным торговым домам канчас (canchas), которые в свою очередь передавали товары торговкам на рынках – гатерас (gateras)¹⁵⁵. Вся эта цепочка посредников приводила к сильному удорожанию товаров¹⁵⁶.

В Ла-Пасе полиция указывала индейцам: кому и сколько продавать. После 1840 г., когда закон предписал, что цены на муку устанавливал муниципалитет, полиция стала определять цену товара индейцев¹⁵⁷. Торговали там только привилегированные купеческие дома, так называемые *agraciados* (облагодетельствованные). Эти торговцы перепродавали товары розничным лавкам. В других городах существовали похожие системы. Жители небольших городков вынуждали крестьян продавать им свои продукты, а затем уже везли их в крупные города.

¹⁵¹ Цит. по: Barragan R. Op.cit., P.26.

¹⁵² Ibid., P.37.

¹⁵³ Dalence J.M. Op.cit., P.279.

¹⁵⁴ Peralta Ruiz V., Irurozqui V.M. Op.cit., P.34; Klein H. Haciendas and Ayllus. P.128.

¹⁵⁵ Гатера от слова *Scatu*, что на кечуа означает торговое место.

¹⁵⁶ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.353.

¹⁵⁷ Barragan R. Op.cit., P.35.

Центральная площадь в Ла-Пасе.

В Ла-Пасе все товары, привозимые в город, как и в колониальный период должны были перепродаваться местным купцам на границе города, на дорогах, в постоянных дворах – тамбо (tambos). Постояльных дворов, служивших своего рода товарными биржами, было так много, что Ла-Пас называли одним большим тамбо. Некоторые тамбо принадлежали индейцам и находились в юрисдикции общин, так называемых индейских приходов, расположенных вокруг Ла-Паса. В эти тамбо привозили свои продукты индейцы из родственных общин на Альтиплано (картофель, юка, овощи) и Юнгас (кока, кофе, фрукты)¹⁵⁸. Имея такую систему ограничений торговли, местные власти, губернаторы и даже коррехидоры, притесняли одних торговцев, а других делали фактическими монополистами. Нередко сами эти чиновники имели собственные торговые заведения, или были связаны общей негодией. Центральная власть постоянно сетовала на широкую распространенность этого явления и заявляла о необходимости борьбы с ним¹⁵⁹.

Боливия была отрезана от побережья горной цепью Анд и пустыней. Существовало два пути внешней торговли. 2/3 объема товарооборота шло через тихоокеанские порты Перу, главным обра-

¹⁵⁸ Barragan R. Op.cit., P.36 - 51.

¹⁵⁹ ANB.MI. 1849 - 1856. T.77. No.46. F.7.

зом через Арику, и 1/3 по атлантическому маршруту через Буэнос-Айрес и далее Тариху¹⁶⁰. Боливия имела свой порт на тихоокеанском побережье Кобиху, однако доступ к нему из внутренних районов был обрзан Кордильерами и пустыней. Гораздо ближе к Ла-Пасу и другим городам Альтиплано были перуанские порты. Все товары из Европы шли через Вальпараисо, а затем в Такну и Кобиху. Однако Чили в 30-е годы запретила оборот боливийского «слабого» песо (монеты низкой пробы серебра, приравненной по номинальной стоимости к полноценному песо), которое активно чеканило боливийское правительство, что вынудило боливийских торговцев ограничить сферу своей деятельности перуанскими портами и Такной, являвшейся центром посреднической торговли.

В 1840 г. Боливия заключила договор о торговле с Перу, по которому единственным свободным портом для боливийской торговли оставался перуанский порт Арика. Главными товарами завозимыми в Боливию были ткани, вино, железо, одежда, медикаменты, мебель, оливки, миндаль, домашняя утварь, то есть товары для средних и высших слоев общества, за исключением, пожалуй, тканей, покупаемых даже индейцами. Французский консул в Кобихе писал, что европейские товары потребляли только белые и метисы¹⁶¹. Английский консул в Лиме Ч.М.Рикеттс в записке Дж.Каннингу о перспективах нового государства писал, что рынок Боливии «ещё долгое время по нарастающей будет потреблять продукты британской промышленности»¹⁶².

У боливийских торговцев имелись большие запасы импортных товаров. Так, при описи имущества торговца Б.Триго из Тарихи в 1854 г. большая часть товаров его склада были импортные ткани, чай и шоколад¹⁶³. Из заморских товаров, ввозимых в Боливию, 70% составляли текстильные изделия. Генерал Ф.Бурдет О'Коннор отмечал, что ввоз иностранных тканей привел к краху местного производства тканей в Тарихе¹⁶⁴.

Президент Боливии А.Санта-Крус, проводя протекционистскую политику, в 1830 г. предложил радикальный проект закона о защите местного производства, однако не нашел поддержки у депутатов конгресса, отвергнувших проект без дискуссии. Большинство де-

¹⁶⁰ Historia de América Latina. Vol.6. P.224.

¹⁶¹ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.336.

¹⁶² British consular reports. P.218

¹⁶³ Langer E.D., G.I.Hames Op.cit., P. 289.

¹⁶⁴ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.316, 338.

путатов были торговцами импортными товарами и отказывались поддерживать меры, ограничивающие внешнюю торговлю¹⁶⁵. В результате сопротивления торговцев протекционистские меры, принятые А.Санта-Крусом, были более мягкими по сравнению с первоначальным проектом.

Порт Кобиха.

Мероприятия правительства А.Санта-Круса по защите производства грубых тканей «тукуйо», которые, по его мнению, были тем продуктом, в котором нуждались индейцы, были малоэффективны. Установленные высокие пошлины на импортные ткани не давали ожидаемого эффекта, так как всюду проникающая контрабанда сводила на нет все усилия правительства. Пришедший на смену А.Санта-Крусу Бальвиан отменил все специальные тарифы, защищавшие тукуйо. Производство текстиля пришло к полному упадку. Даленсе отмечал, что 2/3 года ткачи не работают, так как им трудно сбывать свой товар из-за конкуренции заморских, английских, в основном, тканей. В том же положении оказались мастерские табачные и даже серебряных дел. Он с горечью писал: «Наше фабричное производство вместо прогресса переживает очевидный упадок; ныне не выпускается тканей даже тысячная часть того, что делалось раньше... Боюсь, что скоро будем покупать в Лондоне или Париже пончо и набедренные повязки для того, что-

¹⁶⁵ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.346.

бы прикрыть наготу туземцев»¹⁶⁶.

Импорт составил в 1846 г. 3.772.881 песо, а экспорт товаров только 612.767 песо¹⁶⁷. Дефицит внешней торговли покрывался экспортом серебра и золота на сумму 3.281.114 песо в год. Из-за многочисленных таможенных сборов товары, прибывшие в Арику, доходили до покупателя в Боливии по цене на 90% дороже их ввозной стоимости. Экспорт облагался пошлиной в 16% от стоимости товара. Главными продуктами вывоза были серебро, хинная кора, медь, олово, золото, в меньшей степени, шерсть¹⁶⁸. Импорт «заморских товаров» шел из Англии, около 70% всего ввоза. В 1840 г. Боливия заключила договор о дружбе, торговле и мореплавании с Англией. Этот документ предоставлял массу преимуществ английским купцам, чем те не преминули воспользоваться, буквально заполнив местные рынки своими товарами. Британский консул в Боливии Чарльз Мастертон был вынужден признать неравноправие договора и его невыгодность для Боливии: «Я наверняка вызову всеобщую ненависть боливийских торговцев»¹⁶⁹.

Структура боливийской внешней торговли вызывала беспокойство среди патриотически настроенных политиков, таких как Даленсе. Массовый ввоз иностранных товаров и экспорт почти исключительно драгоценных металлов, серебряных монет вел к затуханию и без того слабых очагов производства в городах. Даленсе писал: «Наша внешняя торговля пассивна и поэтому разрушительна для страны». И далее: «Мы теряем золото и серебро, ну хотя бы это было в обмен на нужные вещи, способные что-то создавать и развивать нашу промышленность, например, насосы и паровые машины, ткацкие станки, пусть бы деньги шли на техников и инженеров... а не на мишуру»¹⁷⁰.

Большую роль в экономической жизни играла региональная торговля. Даленсе утверждал, что в 40-х годах около 30% всего импорта в Боливию приходилось на соседей, из них 2% товаров шли из Чили (не принявшей систему «слабого» песо), 7% – из Аргентины и 18% - из Перу. Через Тариху шла торговля с Аргенти-

¹⁶⁶ Dalence J.M. Op.cit., P.257,325.

¹⁶⁷ Дж.Пентланд в 1826 г. давал цифры стоимости экспорта в 3.613.750 фунтов и импорта в 3.187.036 – British consular reports. P.218.

¹⁶⁸ Dalence J.M. Op.cit., P.268

¹⁶⁹ Pérez C. Caudillos, P.346.

¹⁷⁰ Dalence J.M. Op.cit., P.270,326.

ной, а через Ла-Пас с Перу¹⁷¹. Как утверждают историки А.Митре и К.С.Ассадуриан, региональная торговля с соседними странами превышала заморскую, европейскую¹⁷². Ла-Пас был важным посредническим центром в торговле между Потоси, Куско, Лимой. Север страны, и Ла-Пас в первую очередь, сильно зависел от поставок товаров из Перу. С началом войны за независимость Кочабамба, являвшаяся крупным производителем тканей, утратила для себя рынки соседних стран, например, Буэнос-Айреса¹⁷³. В структуре внешней торговли Ла-Паса 50% составляли перуанские товары. Даже такие продукты как картофель или мясо, имевшиеся в Боливии, ввозились из Перу. Боливия же экспортировала в Перу в основном коку¹⁷⁴. Например, в 1826 г. из Перу было ввезено товаров на 82 тысячи фунтов стерлингов, а вывезено только на 30.640¹⁷⁵.

Торговцы поддержали введение в 1829 г. «слабого» песо, оживившего деловую активность. Однако внутренний эффект ослабления валюты снижался масштабной контрабандой серебра. Те же самые купцы помимо официальной торговли активно занимались контрабандой. После 1839 г. контрабанда стала поступать не только с тихоокеанского побережья, но и из Аргентины, граница с которой при А.Санта-Крус была заблокирована.

В целях увеличения доходов бюджета и обеспечения платежного баланса, А.Санта-Крус пошел на принятие ряда протекционистских мер в торговле. Тарифы колебались от 10 до 40% (на вино до 30%, на хлопковые ткани – 7%, стекло и бытовые товары – всего лишь 5%). Был запрещен ввоз грубых тканей, подобных боливийскому «тукуйо», а также обуви, одежды, шляп. Однако через 4 года запрет был заменен на 40% пошлину, если ввозили через Перу или Аргентину, и 10%, если через Кобиху¹⁷⁶. Драконовские таможенные меры, дополненные введением «слабого» песо, могли дать серьезный импульс производству. Однако политика А.Санта-Круса проводилась непоследовательно: высокие тарифы долго не про-

¹⁷¹ Вместе с «заморскими» товарами объем торговли через Юг и Север был примерно одинаков, по 1.300 тысяч песо в год (на 1825 г.) – Dalence J.M. Op.cit., P.268, 279.

¹⁷² Mitre A. Espacio regional andino y política en el siglo XIX// Historia boliviana. № 1/2, 1982. Cochabamba, 1982. P.171.

¹⁷³ Ibid., P.172.

¹⁷⁴ Barragán R. Op.cit., P.41 - 42.

¹⁷⁵ Historia de América Latina. Vol.6. P.224.

¹⁷⁶ Barragán R. Op.cit., P.39-40.

держались, а эффект «слабого» песо не мог дать серьезных результатов, так как параллельно чеканили полноценные песо. Кроме того, протекционизм не был эффективен в виду всепроникающей контрабанды.

Караван лам, груженных товарами.

В 40-е годы в обществе шла бурная дискуссия между сторонниками свободной торговли (газета «Ла Эпока», основанная аргентинскими иммигрантами, унитариями) и протекционизма, самым ярким представителем которых был Даленсе, занимавший министерский пост в правительстве А.Санта-Круса в 1840-1841 гг., когда принимались самые жесткие меры по защите внутреннего рынка от дешевого импорта. Протекционисты, объединявшиеся вокруг газеты «Эко де Потоси», требовали повышения пошлин и даже запрета ввоза некоторых товаров, оправдывая это надеждой на рост промышленности в Боливии. Их поддерживали мелкие торговцы и ремесленники Ла-Паса, в то время как южные города, связанные с вывозом серебра, а также купцы-оптовики ратовали за свободу торговли¹⁷⁷. Даленсе, приветствуя протекционистскую торговую политику, писал: «Я никогда не мог понять, почему наши правительства так способствуют потреблению иностранных импортных товаров в то время, как наша промышленность предана

¹⁷⁷ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.345; Pérez C. Quinine and Caudillos. P.12 - 13.

забвению»¹⁷⁸.

А.Санта-Крус выступал за протекционистскую торговую политику. Правительство даже наградило журналистов «Эко де Потоси» золотой медалью за защиту экономических интересов страны¹⁷⁹. В русле этой политики Боливия отвергла предложения Франции заключить договор о свободной торговле, так как считала себя слишком слабой для противостояния европейским товарам¹⁸⁰. Протекционистская политика дала толчок развитию внутренней торговли и производства сельскохозяйственных продуктов, особенно в Чайянте. При А.Санта-Крусе и Бальивиане главная забота правительства состояла в наполнении бюджета, укреплении монополии государства на выплавку драгоценных металлов, на создание привилегированных монопольных компаний, близких к президенту или правительству. Вместе с тем, их политика была направлена на защиту внутреннего рынка от внешней конкуренции, особенно, в текстильном производстве. Однако, спасти ткацкое ремесло так и не удалось. После свержения А.Санта-Круса (1839) и прихода Бальивиана к власти (1841) произошел возврат к свободной торговле, чему способствовали аргентинские советники президента, унитарии-либералы, нашедшие убежище в Боливии от преследований М.Росаса. Этот поворот в торговой политике привел к вытеснению торговцев Ла-Паса перуанскими и английскими купцами, что создавало благоприятную почву для недовольства. Полностью принципы свободной торговли победили только в 70-е годы XIX века. Впрочем, ни фритредерство (начиная с 70-х годов XIX века), ни протекционизм первой половины столетия не привели к расцвету экономики.

Эффект защитной торговой политики боливийских правительств сравним с тем же нулевым результатом протекционизма диктатуры Росаса. Как отмечал крупный английский историк Дж.Линч, политика Росаса не учитывала потребности низших классов, их экономическую деятельность, а ориентировалась на интересы камарильи и на обеспечение платежного баланса. В результате, как и в Боливии, экономика не отреагировала на эти меры, а национальное производство не получило никаких дополнительных стимулов для развития. В Боливии эффект для развития от протекционизма и защитных мер девальвационного типа («сла-

¹⁷⁸ Dalence J.M. Op.cit., P.251.

¹⁷⁹ Rojas C. Op.cit., P.172.

¹⁸⁰ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.343.

бий» песо) ослаблялся контрабандной торговлей. В отличие от Аргентины, где протекционизм привел к росту цен¹⁸¹, в Боливии повышение было незначительным и соответствовало мировой тенденции (до 70-х годов цены на внешнем рынке были стабильными)¹⁸².

Финансы: «слабый» песо (февле) и региональная экономика.

Основу доходов государства составляли поступления от трибута на индейцев, таможенных поступлений от обложения иностранных товаров и пошлины на золото, серебро, коку, сахар, спирт и вино на внутреннем рынке составляли. Пошлины и налоги на продукты потребления давали 270.680 песо при общих доходах государства 2.152.642 песо (1846 г.). Налог на коку, которую потребляли в основном крестьяне-индейцы, составлял 150 тыс. песо.

Церковная десятина и так называемый сбор «на первый плод» (*primicias*) администрировались государством. Десятина составляла около 10% всего бюджета государства¹⁸³. *Primicias* должны были направляться на содержание приходов, но на деле же этими средствами распоряжалась церковная иерархия в ущерб местным священникам¹⁸⁴. С 1 января 1827 г. государство стало собирать десятину и другие церковные сборы, дававшие в год 171.130 песо. В свою очередь, государство обязалось содержать приходы. Часть десятины шла на покрытие бюджетного дефицита, а священники не получали содержания, что было предметом постоянных протестов и конфликтов между властью и церковью¹⁸⁵. Львиную долю доходов казне приносили крестьяне-общинники. Подушная подать-трибуто была восстановлена А.Х.Сукре 2 августа 1826 г. Этот налог давал 919.006 песо, то есть почти половину всего бюджета страны.

Независимая Боливия все первые десятилетия своего существования жила в условиях хронического дефицита бюджета. 95% расходов шли на содержание чиновников и армии. На армию уходило

¹⁸¹ Lynch J. *Caudillos en Hispanoamérica*. P.225-227.

¹⁸² Dunkerley J. *Op.cit.*, P.162.

¹⁸³ Dalence J.M. *Op.cit.*, P.316 - 317.

¹⁸⁴ Quiroz Chueca F. *Diezmos del Alto Perú. I – Chuquisaca (Ss. XVII – XIX)*. Lima, 1984. P.XXIV - XXV.

¹⁸⁵ Peralta Ruiz V., Irurozqui V.M. *Op.cit.*, P.97 - 99.

более 70% всех расходов (864.932 песо в 1846 г.)¹⁸⁶. Кроме того страна имела долг перед Перу в 40.000 фунтов стерлингов. Это были остатки двухсоттысячной компенсации освободительным армиям¹⁸⁷. Вместе с тем, консул Англии в Перу Ч.М.Рикеттс в отчете в Лондон отмечал, что у Боливии было более благоприятное финансовое положение нежели у её соседей¹⁸⁸. Боливийские правительства панически боялись брать в долг за границей, опасаясь попасть в финансовую кабалу от европейских государств, и искали внутренние источники финансирования.

Для покрытия дефицита бюджета власти прибегали к принудительным займам у боливийских торговцев и церкви. При Бальвиане насильственные займы покрывались за счет торговцев, каким-либо образом замешанных в мятежах, восстаниях и заговорах. Первый такой заем в 50 тыс. песо был произведен в 1841 г. Также вводились чрезвычайные «патриотические» налоги, например, в 1846 г. на коку (4 реала за корзину коки). С целью сэкономить на расходах правительство периодически объявляло о сокращении зарплат чиновникам. В результате недоплаченные суммы формировали часть государственного долга, который предстояло вернуть тем же чиновникам, но с процентами. В 1830 г. было проведено первое заимствование из зарплат чиновников и военных. Эти средства направлялись на финансирование той же армии. Вместо денег выдавались боны займа. Бальвиан распорядился обменять их на государственные облигации, которые обращались наряду с деньгами. Этими облигациями можно было платить налоги. К приходу Бельсу к власти в 1848 г. таких облигаций накопилось на 1/3 годового бюджета страны¹⁸⁹.

К хроническому дефициту бюджета добавлялась проблема отрицательного сальдо торгового баланса. По данным Даленсе торговый дефицит в период с 1825 г. по 1830 г. составил 13,60 млн песо, а в 1831 - 35 гг. – 14,78 млн. песо. Происходило сокращение запасов золота и серебра как у государства, так и у частных лиц. Х.М.Даленсе с горечью писал, что в уплату импорта шло все подряд, от богатых украшений храмов до столовой серебряной утвари¹⁹⁰. Вывоз наличной монеты из страны имел крайне негативные

¹⁸⁶ Dalence J.M. Op.cit., P.319,356.

¹⁸⁷ Historia de América Latina. Vol.6. P.225.

¹⁸⁸ British consular reports. P.220.

¹⁸⁹ Peralta Ruiz V., Irurozqui V.M. Op.cit., P.68-72.

¹⁹⁰ Dalence J.M. Op.cit., P.269 - 270.

последствия для внутренней торговли, переживавшей в 20-е годы острый кризис ликвидности. Очень быстро нехватка наличных денег парализовала практически всю торговлю, резко упали цены, появились квазиденежные расчеты, прежде всего в деревне. В 1832 г. в Манифесте о положении дел в серебродобыче Трибунал по горному делу отмечал: «Церковное серебро, за исключением священных сосудов, переплавляется в монеты... Такой крайней стала нужда, катастрофа приобрела страшные размеры. В прошлом году Монетный двор отчеканил лишь чуть более одного миллиона триста тысяч песо, что, распределяя на всех жителей Боливии, дает не более одного песо на человека в год»¹⁹¹. Утечка драгоценных металлов в период, когда ещё бумажные деньги не вошли в оборот, привела к кризису ликвидности, грозя парализовать все хозяйственные связи и привести к банкротству государства.

Выход был найден правительством А.Санта-Круса. 10 октября 1829 г. был издан декрет о «слабом» песо, фебле, о чеканке монет с низким содержанием серебра. Порченная монета, облегченный песо составлял лишь 73,84% от стоимости полноценного песо¹⁹². Формально обе монеты должны были приниматься по всей стране по номинальной стоимости, что и выполнялось. Старый полноценный песо был предназначен для внешней торговли. Разница в стоимости позволяла государству покрывать дефицит бюджета. В 1840 - 1844 гг. было отчеканено 40,89% «слабого» песо, что дало 14,7% доходов бюджета, а в 1850 - 1854 гг. уже выпущено 80,79% от всей денежной массы, что составило 26,47% доходов государства¹⁹³.

В 30-е годы «слабый» песо составлял 19% всей денежной массы, однако с 40-х годов стал преобладать, в год выпускалось 200 - 500 тысяч фебле¹⁹⁴. Выпуск низкопробного песо был решением многих проблем для правительства, но прежде всего развязал узел кризиса ликвидности, парализовавший внутренний рынок страны. Соседи Боливии, аргентинский север и Перу также испытывали

¹⁹¹ Jimenez R., Pinto H. Op.cit., P.57.

¹⁹² До 1829 г. 1 песо, как и в колониальный период, весил 10 динеро и 20 грано (1 грано = 48 мг) при пробе 902,77 на 1000. 1 песо состоял из 8 реалов; 1 тостон (полтинник) равнялся 4 реалам. «Слабый» песо или фебле продолжал состоять из 8 реалов или 2 тостонов, но содержание серебра понижалось до 8 динеро, то есть проба была 666,66 на 1000. – El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.305.

¹⁹³ Ibid., P.306.

¹⁹⁴ Platt T. Estado tributario y librecambio en Potosi (siglo XIX). P. 20 - 21.

нехватку наличной монеты. Чаркас или Горное Перу в колониальную эпоху было поставщиком серебряной монеты для всего региона. После завоевания независимости эта функция регионально-го монетного двора осталась за Боливией. Соседние страны были вынуждены принять введение «слабого» песо. Только в Аргентину в 1846 г. было вывезено фебле на сумму около 4 млн песо, впоследствии экспорт монет составил 800 тысяч в год. Большая часть этих денег шла в Тукуман¹⁹⁵. Везде, за исключением Чили, боливийский «слабый» песо принимался по номинальной стоимости, как и в Боливии. Однако реальная стоимость «слабого» и «сильного» песо различалась, что вызвало рост цен, но в то же время оживило торговлю и скорость оборота денег. Вокруг Боливии четко оформился региональный рынок, включавший в себя помимо Боливии север Аргентины и юг Перу. Этот рынок существовал и прежде, но с приходом «слабого» песо он оформился в территорию с определенными торгово-финансовыми правилами, отличными от внешнего рынка.

До 40-х годов «слабого» песо было относительно немного в общем объеме денег. Более того, он обращался в Перу и на севере Аргентины, где его принимали по номинальной стоимости (в 1839 г. фебле даже появился в Гватемале). Вопреки ожиданиям чеканка легковесной монеты не привела к росту цен, пока её объемы были относительно невелики. «Слабый» песо способствовал оживлению внутреннего рынка. После 1840 г., когда фебле становится главной денежной единицей, торговцы принимали его с разницей в 8 - 10%. Затем на все установились две цены в «слабом» и в твердом песо, которое превратилось в обычный экспортный товар. Разница цен составляла 35.4%, ровно столько, на сколько «слабый» песо отличался от твердого реальным содержанием серебра.

Первоначально появление «слабого» песо имело позитивные результаты. Сократился торговый дефицит с 2,95 млн песо в год в период с 1831 по 1835 гг. до 2,27 млн в 1841 - 1845 гг.¹⁹⁶. Объем импорта уменьшался, так как он становился дорогим в твердой валюте, а экспорт увеличился и диверсифицировался. Фебле наполнил внутренний рынок ликвидной монетой, дал толчок к росту торговли, особенно в сельском хозяйстве¹⁹⁷.

В историографии с давних пор идет серьезная дискуссия вокруг

¹⁹⁵ Mitre A. Espacio regional andino. P.170.

¹⁹⁶ Ibid., P.309 - 313.

¹⁹⁷ Platt T. Estado tributario y librecambio en Potosi. P.21 - 22.

проблемы фебле и воздействия порчи монеты, то есть фактически скрытой девальвации на боливийскую экономику. Одно направление, среди предшественников которого следует назвать и сторонника протекционизма Даленсе, и видного либерального политика, фритредера К.Рохаса, представлено историками Х.М.Бенавидесом, Г.А.Прадо Роблесом¹⁹⁸. Они подчеркивали крайне негативное влияние фебле на экономику. Ещё Даленсе считал, что фебле являлась дополнительным налогом, прежде всего, на государственных служащих для покрытия расходов на армию¹⁹⁹. К. Рохас, как и Х.М.Даленсе, утверждал, что появление фебле спровоцировало вывоз серебра и полноценного песо, а в стране осталось только фебле²⁰⁰. Историки считают, что инфляция в 40 - 50-е годы была вызвана безудержной чеканкой «слабого» песо, и от этого пострадали в основном мелкие торговцы, ремесленники, рабочие, городские низы²⁰¹.

Их оппоненты А.Митре, Т.Платт, Э.Ланджер рассматривают порчу монеты боливийским правительством с иной точки зрения на перспективу развития. Эти авторы анализируют хозяйственные процессы в рамках региональной экономики, включавшей в себя Боливию, юг Перу, север Аргентины, сформировавшиеся как единый механизм еще в колониальный период. В этой региональной системе «слабый» песо был главным препятствием для проникновения иностранных товаров, оберегая местные рынки от внешней конкуренции. Логическим продолжением этой политики могло быть развитие региональных связей как альтернативы вовлечения стран региона в мировую систему. А.Митре утверждает, что в отличие от колониального периода, когда серебро просто вывозилось в метрополию, после завоевания независимости оно наполнило внутренний рынок, дав мощный импульс развитию торговли²⁰². Т.Платт считает, что фебле позволил многим общинам вернуться

¹⁹⁸ Rojas C. Op.cit.; Peñalosa L. Nueva historia económica de Bolivia. De la independencia a los albores de la Guerra del Pacifico. La Paz, 1883; Benavides J. Op.cit., El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.299 - 313.

¹⁹⁹ Dalence J.M. Op.cit., P.327.

²⁰⁰ Rojas C. Op.cit., P.108.

²⁰¹ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P.302.

²⁰² Mitre A. Los patriarcas de la plata.;Mitre A. El monedero de los Andes. P.32; Platt T. Estado tributario y librecambio en Potosi. Historia financiera ; Assadourian C.S., Bonilla H., Mitre A., Platt T. Op.cit.; Langer E. Economic Change and Rural Resistance in Southern Bolivia. 1880 - 1930. Stanford, 1989; Pérez C. Quinine and Caudillos. 1998.

на рынок. Яркий пример тому – торговля пшеницей общинами Чайянты. Причина поражения этой политики неоревизионисты видят в излишнем выпуске фебле, что нарушало соотношение фебле с полноценным песо, и впоследствии спровоцировало инфляцию и расстроило государственные финансы²⁰³.

Негативным фактором в борьбе правительства за достижение финансового равновесия была контрабанда серебра в соседние страны. Контрабанда выводила из страны «полноценный» песо, обескровливая экономику, вымывая таким образом капитал, то есть серебряную монету. «Капиталоемкость» или «сереброемкость» боливийской экономики уменьшалась, что вело к стагнации и к постепенному развалу ремесла. Но это в дальней перспективе. Что же касается непосредственно 20-50-х годов XIX века протекционизм и «слабый» песо способствовали возрождению регионального рынка и всей экономики Боливии, которая стала формироваться на местной основе, так как испанская метрополия и колониальная система хозяйствования с её сугубо экспортной ориентацией перестали существовать.

Боливийский город во второй четверти XIX века.

Экономическое развитие Боливии, вектор её движения определялся в городе, его хозяйственной деятельностью. К сожалению, изучение городского населения и экономической структуры больших и малых латиноамериканских городов в XIX в. пока не вышло за рамки общих работ по истории региона. Эта тема ещё ждет своего специального подробного исследования.

В Боливии в первой половине XIX века, как и в большинстве стран мира население в основном проживало в сельской местности, на города приходилось лишь 11 % жителей, а грамотных было всего 7%. Для сравнения в Швейцарии в 1850 г. только 6% населения были горожанами, а в Италии лишь 2,5% умели читать и писать. Примерно одинаковые цифры, показывающие уровень развития просвещения, в Боливии и во Франции, в которой в 1842 г. только 19 тысяч молодых людей посещали лицей, ну а в России на 67 млн человек в 1850 г. приходилось только 20 тысяч учеников средних учебных заведений²⁰⁴. Такова была эпоха. Однако, при

²⁰³ Platt T. Estado tributario y librecambio en Potosi (siglo XIX). P. 13 - 22.

²⁰⁴ Unzueta F. Periódicos y formación nacional: Bolivia en sus primeros años.// Latin American Research Review. Vol.35. No.2. 2000.P.43.

всей кажущейся похожести, ситуация различалась во многом: боливийское городское население в основном проживало в небольших городках (что по-испански называлось *pueblo* или *villa*), в то время как в соседних странах наблюдался бурный рост крупных городов: для сравнения – Сантьяго-де-Чили насчитывал 65 тысяч человек, Лима – 50 тысяч, а боливийская столица Сукре всего лишь 19 тысяч²⁰⁵.

В середине века в Боливии в крупных городах (в эту категорию попадают населенные пункты от 5 тысяч человек, например, Тариха) проживало 136.012 человек. При этом городскими жителями считали себя 148.147 тысяч, то есть около 12 тысяч человек проживали в поселках более 400 человек, и таких было 38²⁰⁶. Самым крупным городом был Ла-Пас с населением в 42.849 человек и с 2.342 домовладениями, затем шла Кочабамба с 30.396 горожанами и 1.919 собственниками домов. Столица государства Сукре была небольшим городом с 19.235 жителями. Это был важный политический, культурный и церковный центр страны. Здесь находился один из самых старых и престижных в Южной Америке университет.

В первой половине XIX века среди боливийских городов выделялся, прежде всего, Ла-Пас, становившийся неформальной столицей Боливии. Если в 1831 г. в Ла-Пасе проживало 30.463 человек, а в 1845 г. – 42.849, то в 1854 г. – уже 68.188²⁰⁷. Ла-Пас был в основном торговым городом, но он был окружен поместьями, и многие крестьяне-индейцы часто проживали внутри городских стен, формально оставаясь общинниками и плательщиками трибуто, то есть сельскими жителями. В 1854 г. в городе было 42% метисов и белых, а 58% были индейцы²⁰⁸. Примерно такая же картина складывалась в Кочабамбе. Как свидетельствовали современники, в частности Д'Орбиньи, большинство городских жителей говорили на кечуа, одевались как индейцы и, главное, употребляли чичу (майсовое пиво), считавшуюся исключительно индейским напитком²⁰⁹.

Даленсе в своем статистическом исследовании приводит данные по социальному составу населения городов по числу глав семейств, сам же предлагая умножить эти цифры на среднее количе-

²⁰⁵ Demelas D.M. *Op.cit.*, P.286; Dalence J.M. *Op.cit.*, P.179 - 180.

²⁰⁶ Dalence J.M. *Op.cit.*, P.179 - 180.

²⁰⁷ В 1854 г. был проведен самый несовершенный цenz. Его данные следует воспринимать весьма условно.

²⁰⁸ Barragan R. *Op.cit.*, P.73 - 75.

²⁰⁹ D'Orbingy A. *Op.cit.*P.610

ство домохозяев – на 4,5. Около 30% населения городов составляли ремесленники. Помещики с семьями были второй по многочисленности группой – 15,6%. Домашняя прислуга, почти поголовно индейцы-общинники – 8,9% (без учета наличия домохозяев, так как подсчитывались поштучно, а не по главам семей). Около 8% – чиновники, 2% – лица свободных профессий, столько же служители культа²¹⁰. Военные и полиция учету не подлежали, однако их число было сравнимо с чиновниками.

Итак, основную массу горожан составляли ремесленники, рабочие люди и торговцы. Согласно Даленсе, в середине века в Боливии насчитывалось 9.914 самостоятельных ремесленников. По правилам статистики той эпохи, учитывались только главы семей. Их сыновья и другие родственники, работавшие вместе, в их число не попадали, также не учитывались по этой категории ремесленники, работавшие без лицензий, то есть вне цехов. С семьями при грубом подсчете эта категория населения представляла собой треть всех горожан. Суммарное производство ремесленников давало сумму почти 4 млн песо, сопоставимую со всем импортом страны (3.772.881 песо). Каждая ремесленная мастерская производила товаров в среднем на 439 песо в год²¹¹.

Д'Орбиньи восторгался богатством Боливии и предрекал большое будущее таким городам как Ла-Пас только, «если промышленный гений будет развиваться в стране и сможет овладеть её многочисленными ресурсами; мы тогда увидим как повсюду поднимутся фабрики по производству сукна, хлопковых, шелковых и льняных тканей, за которыми сегодня приезжают в Ла-Пас, но которые как и другие товары первой необходимости завозятся сюда из заграницы, в то время как Ла-Пас мог бы не только обеспечивать себя всем сам, но и экспортировать в различные районы Америки»²¹².

Большинство ремесленников были метисами или индейцами по происхождению. Если индеец посвящал себя ремеслу, то его потомки переходили в ранг метисов, чоло, и таким образом освобождались от трибуто. В XVIII веке этот процесс перехода индейцев к ремесленной деятельности стал широко распространенным явлением, особенно в районе Миске и Кочабамбы²¹³. В колониальный

²¹⁰ Dalence J.M. Op.cit., P.206 - 207.

²¹¹ Ibid., P.254, 268.

²¹² D'Orbingy A. Op.cit., P.574.

²¹³ Tradición y modernidad en los Andes. Cusco, 1997. P.51-52.

период ремесленники были организованы в цеха, которые ежегодно выбирали «главного мастера». Однако со смутой начала века, войной за независимость, устои колониального порядка были расшатаны, и это ощутили на себе ремесленники. Появились так называемые работные люди, находившиеся вне признаваемых законом цехов. У них не было лицензии, ни гарантий цеха на случай жалоб и рекламаций. Закон запрещал такую деятельность, но они продолжали работать. Чаще всего работные люди были индейцами-общинниками. Во избежание конфликта с законом и городскими властями они селились за городскими воротами, где не было юрисдикции цеха и кабильдо, муниципалитета²¹⁴.

Городские ремесленники находились в невыгодном положении по отношению к «работным людям», так как платили все налоги, обязаны были покупать продукты, товары, сырье, привозимое из деревень, только на особых постоянных дворах – тамбо, где должны были платить торговую пошлину – сису. Особенно страдали технологически простые производства, как например, выпечка хлеба. В этих отраслях индейцы, нелицензионные ремесленники успешно конкурировали с цеховыми. Не прекращались требования «городских» убрать мастерские из пригорода, или, по крайней мере, заставить их платить налоги и покупать сырье на постоянных дворах «тамбо»²¹⁵.

В Ла-Пасе самой многочисленной группой ремесленников были пекари и мясники. В этом городе процветали мастерские серебряных дел (31), плавки металла и кузнецы (94)²¹⁶. Стимулом для развития этих ремесел было обслуживание извоза и конюшен, и в первую очередь, военной кавалерии. Обмундирование и оружие пользовались спросом во время войны за независимость и позднее, когда традиционные поставки из Испании были затруднены. Все материалы имели исключительно местное происхождение. Любопытный казус – единственной импортной составляющей в военном обмундировании были оловянные пуговицы (анекдотичность этого факта в том, что Боливия позднее станет мировым лидером по добыче олова)²¹⁷.

Производство оружия было поставлено на широкую ногу. В центре Ла-Паса существовала большая пороховая фабрика, где

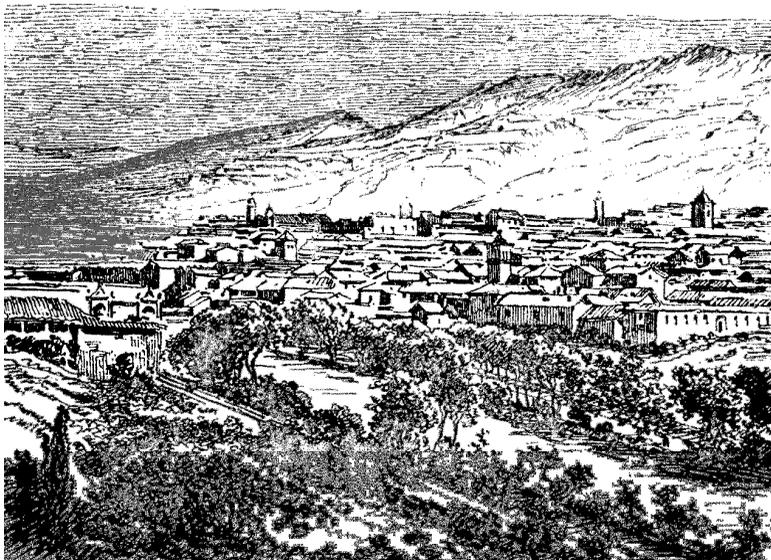
²¹⁴ Barragan R. Op.cit., P.54-55.

²¹⁵ Barragan R. Op.cit., P.56.

²¹⁶ Dalence J.M. Op.cit., P.256.

²¹⁷ Barragan R. Op.cit., P.53.

также производили хинин из доставляемой из северной части департамента Ла-Пас хинной коры. Эта фабрика работала до 1858 г., когда она после пожара прекратила свое существование. Помимо этой фабрики в Ла-Пасе насчитывалось 82 мелких пороховых мастерских²¹⁸.

Общий вид Ла-Паса.

В Ла-Пасе было сосредоточено мыловарение. Производство мыла достигало огромной суммы – 215.783 песо в год (сопоставимо с 1/10 доходной части бюджета страны)²¹⁹. Традиционные ремесла, сапожное дело (204 мастерских), плотницкие (84), пошив одежды (98), производство местного пива чичи (950) занимали серьезное место в экономике города. Первенство же принадлежало ткацким мастерским. Из 3.752 мастерских по всей стране 1.120 находились в Ла-Пасе²²⁰.

²¹⁸ Dalence J.M. Op.cit., P.256

²¹⁹ Современное издание Даленсе приводит цифру 8.442 мастерские по производству мыла в стране и 8000 в Ла-Пасе (Ibid., P.254 - 256). Эти цифры также фигурируют в исследовании Р.Барраган. Безусловно, здесь либо опечатка, либо ошибка самого Даленсе, так как он же приводит цифру всех ремесленников в стране – 9.914.

²²⁰ Ibid., P.254 - 256.

Местное ткачество (число мастерских по обработке шерсти составляло 3.752, а по выработке хлопковых тканей – 359) обеспечивало спрос в провинции среди индейцев и сельских жителей, а также городских чоло. Английский консул в Лиме Ч.М.Рикеттс писал, что «в Боливии мануфактуры производят в основном одежду, пончо, шляпы из шерсти викуни, альпаки»²²¹. Особой известностью пользовалось грубое полотно – тукуйо. Д'Орбиньи отмечал, что в Кочабамбе «все ещё есть большое число ткацких мастерских, пока еще довольно примитивных, которые производят грубое полотно из хлопка, известное как токуйо, а также байковую ткань из шерсти». Даже по сравнению с продукцией индейцев из Мохос ткани ремесленников Кочабамбы отличались отменной грубостью и примитивностью²²². Креолы и зажиточные чоло предпочитали английское сукно, в избытке хлынувшие на рынок после обретения независимости. Шерстяные ткани производили в Ла-Пасе, Оруро, Потоси и Чукисаке. На хлопке специализировалась Кочабамба, Мохос и Чикитос (тропические и субтропические районы). Ткачество было организовано в сравнительно больших мастерских, обрахес, прототипе мануфактуры, расцветшей в XVIII веке. Как утверждал английский путешественник и негодант Пентланд, на момент провозглашения независимости стоимость производства текстиля в обрахес не достигала и 16 тысяч фунтов стерлингов, в то время как в период бума в XVIII в. составляло 200 тысяч²²³.

Хлынувший в Боливию в 20-е годы XIX века дешевый и качественный английский текстиль уничтожил местные обрахес. Д'Орбиньи в своих заметках о Ла-Пасе отмечал: «Во времена колонии в районе Обрахес [район Ла-Паса – А.Щ.] испанцы устроили суконную фабрику, которая закрылась во время войны, и пока не восстановлена»²²⁴. Выживали лишь мелкие семейные ткацкие мастерские. В середине века их производство сократилось до минимальных размеров: на 66.539 песо в год хлопковых тканей и на 38.681 песо шерстяных. Эта сумма приходилась на все 3.752 мастерских, то есть чуть более по 100 песо в среднем на каждую, что было в 4 раза меньше, чем зарабатывал ремесленник в других отраслях в среднем по стране. Мизерность производства сравнима по

²²¹ British consular reports. P.219.

²²² D'Orbingy A. Op.cit., P.611.

²²³ Historia de América Latina. Vol.6. P.224.

²²⁴ D'Orbingy A. Op.cit., P.574.

объему с производством стеклодувов, традиционно занимавшими скромное место в боливийских промыслах (43.500 песо в год)²²⁵.

По официальной статистике торговая прослойка в городах была незначительной, около 1% населения. Однако в Ла-Пасе многие помещики также занимались торговлей, и таких по переписи Даленсе было около 16%²²⁶. Статистика не учитывала многочисленных розничных торговцев, подпадавших под категорию ремесленник, поденщик или индеец. Если креолам принадлежала вся оптовая внутренняя и внешняя торговля, то розницей занимались в основном метисы и индейцы. Последние монопольно владели торговлей кокой, которую потребляли главным образом сами же индейцы. Отставные военные, число которых сравнимо с числом торговцев, также вели коммерческие дела, занимались торговлей. Таким образом, торговый класс составлял значительную долю городского населения²²⁷. Ла-Пас отличался бурной торговлей. Один английский путешественник (Темпл), описывая Ла-Пас, отмечал: «Должен признать, что с того момента как я 12 месяцев назад прогуливался по Чипсайду, более не видел столь оживленных, полных людских потоков торговых улиц²²⁸». Иностранных купцов было очень мало, а с 1830 г. был введен запрет иностранцам на розничную торговлю, они могли лишь торговать оптом с боливийскими гражданами. Боливийские купцы хотели большего и требовали ограничить деятельность иностранцев только портом Кобиха²²⁹.

Торговцы в своей массе были мелкими деятелями, оперировавшими небольшим капиталом. Были и крупные купцы с капиталом в несколько тысяч песо, проводившие международные торговые операции с Вальпараисо, Такной и Буэнос-Айресом²³⁰. Среди крупных купцов было немало аргентинских унитариев, нашедших убежище в Боливии, но продолжавших вести торговые дела со своей родиной²³¹. Большинство же ограничивалось скромными масштабами. Бросается в глаза широко распространенное явление – поголовная задолженность торговцев друг другу – все торговали в долг. Например, мелкий торговец давал кредит индейцу на за-

²²⁵ Dalence J.M. Op.cit., P.254.

²²⁶ Dalence J.M. Op.cit., P.206 - 207.

²²⁷ Barragán R. Op.cit., P.32.

²²⁸ Lofstrom W.L. La presidencia de Sucre. P.59.

²²⁹ Pérez C. Caudillos, comerciantes P.342.

²³⁰ Langer E.D., G.I.Names Op.cit., P. 297.

²³¹ Наиболее известен видный унитарий Хавиер Лопес, активно торговавшим с Тукуманом – Platt T. Historias unidas, memorias escindidas. P.191.

купку товара (мяса, шерсти и т.д.) При этом сам получал заморские товары в долг под 1,5% в месяц сроком на 4 месяца. Разорение и провал сделок вызывали многочисленные судебные дела²³². Купцы были должны всем, а им были должны многие покупатели. В качестве примера можно привести завещание некой владелицы торговой лавки М.Малайи из Ла-Паса, которая была повсюду должна, но эти долги покрывались товарами в её лавке и долгами покупателей. Наличных же денег уже не было вовсе²³³.

Правящий класс Боливии представлял собой разнородные группы креольского населения, проживавших в городах землевладельцев, которые вместе с тем были и военными, чиновниками, судьями, лицами свободных профессий. Три четверти помещиков Ла-Паса владели лишь одним, как правило, небольшим поместьем с числом крестьян от 20 до 200 колонов. Только 5% помещиков владели поместьями, где проживала треть всех колонов. Особо выделялись такие магнаты как Тадео Диес де Медина, у которого было 12 поместий и несколько самых дорогих домов в городе²³⁴. Большая же часть помещиков занималась торговлей или горно-рудным делом. Достаток и социальный статус определялся стоимостью дома: средняя цена одного особняка достигала примерно 3000 песо, в то время как дома низших и средних слоев населения оценивались от 80 до 1000 песо. Самым дорогим в Ла-Пасе домом было здание стоимостью в 7000 песо²³⁵.

Количественный состав креольской элиты можно посчитать по числу граждан, принимавших участие в голосовании на выборах, так как избирательный имущественный ценз был довольно высок и составлял 200 песо годового дохода, сумма недоступная не только ремесленникам, но и даже среднему слою торговцев. Итак, если суммировать те категории населения, которые предположительно отвечали критериям избирательного закона, а это – чиновники (2.554), лица свободных профессий (591), горнозаводчики (248), помещики (5.135), при этом мы оставляем за рамками этой группы торговцев (3.316), так как лишь очень небольшая их часть имела необходимый доход, то как раз получается такое же количество

²³² ALP. PN. 1849 - 1855. C.4. f.76.

²³³ ALP. PN. 1849 - 1855. C.4. f.99.

²³⁴ Barragán R. *Op.cit.*, P.59; Klein H. *The Structure of Hacendado Class in Late Eighteenth-Century Alto Peru: the Intendencia de La Paz.*// *HAHR*. v. 60, No.2. May, 1990. P.200 - 202.

²³⁵ Barragán R. *Op.cit.*, P.68 - 69.

голосовавших в 1840 г. – 8.073, в 1844 г. – 7.411²³⁶. В крупных городах, таких как Ла-Пас, Кочабамба, Сукре, Оруро, Потоси, число имевших право голоса не превышало 4% населения. Прибавляя к этому числу членов их семей (4,5), получалось от 10-20% населения, что безусловно много. В Ла-Пасе проживало 42.849 жителей, но было лишь 2.342 домовладельца, голосовало же только 772 человека²³⁷. Это данные на 1855 г., когда число голосовавших по сравнению с 1850 г. практически удвоились. В Кочабамбе на 30.396 жителей было 1919 домовладельцев и 1.240 выборщиков²³⁸. По сравнению с Ла-Пасом, где велик процент неголосовавших домовладельцев, Кочабамба представляла собой более однородный креольский город, здесь вдвое больше процент «благородной» публики.

Большой интерес представляют данные по мелким провинциальным городкам, где жили в основном мелкие землевладельцы. На Альтиплано и в Кочабамбе ситуация была различной. Так, в департаменте Кочабамба в типичном и среднем по величине городке Айопайя, где проживало 1526 жителей, голосовавших граждан в 1850 г. оказалось 436 человек, то есть каждый третий²³⁹. На Альтиплано, где преобладали общины, а помещиков было мало, зато процветала торговля, мелкие городки были более многочисленны, а вот голосовавших граждан там практически не было. В г. Сагарнага, где жило 3.245 душ, голосовал лишь 51 человек²⁴⁰, а в столице богатой провинции Ларекаха в г.Эскивель числилось 2.347 жителей, а на выборах в Конгресс в 1848 г. проголосовало лишь 159²⁴¹. Таким образом, число избирателей в условиях имущественного ценза дает нам приблизительную картину креольского правящего класса. Учитывая, что голосовать могли лишь главы семейств, следует признать, что к числу креольской верхушки в крупных городах принадлежало от 8% (Ла-Пас) до 20% (Оруро, Кочабамба, Сукре) населения. В мелких провинциальных и кантональных центрах Кочабамбы таковыми было почти все население этих поселков (Арке, Тапакари, Айопайя, Клиса), но на Альтипла-

²³⁶ Dalence J.M. Op.cit., P.206 - 207; Irurozqui V.M. «A bala, piedra y palo», P.234.

²³⁷ Redactor del Congreso Constitucional de 1855. No.2. 7 de agosto, 1855. Sucre, 1855. P. 6 - 8.

²³⁸ Redactor del Congreso. No.2.1855. P. 6 - 8; Dalence J.M. Op.cit., P.179.

²³⁹ ANB.MI.1850. T.134. No.31.

²⁴⁰ Redactor del Congreso. No.2.1855. P. 6 - 8.

²⁴¹ ANB. MI.1848. T.124. No.14, f.3.

но, в департаменте Ла-Пас, также как и в одноименной столице – не более 10% жителей. Такое отличие было связано с различной хозяйственной спецификой каждого района страны.

Провинциальный городок Чулумани.

В основе политической нестабильности в Боливии в XIX в. лежали противоречия и конфликты между элитами различных районов страны. Более аристократичные, сеньориальные Сукре и Кочабамба с трудом могли согласовывать свои интересы с торговым и ремесленным Ла-Пасом. К этому следует добавить различия в общественной атмосфере, складывавшейся из социального окружения и комфортного самочувствия креольской элиты. Плебейское засилье в Ла-Пасе и помещичье благополучие в Кочабамбе и Сукре диктовали разные алгоритмы поведения, что находило отражение в политических предпочтениях местной элиты.

Периферийность Боливии определялась природными и географическими факторами и социально-экономической структурой. Архаичная и неразвитая социальная структура боливийского общества являлась серьезным тормозом экономического обновления и реформирования всего народного хозяйства. Слабое, плохо структурированное государство, унаследовавшее от колониального периода региональные противоречия и разобщенность правящих классов, переживало период своего формирования в условиях финансового кризиса и внутренних конфликтов.

Финансовое положение боливийского государства отражало сложное экономическое положение страны. С одной стороны, главные отрасли были далеки от того, чтобы достичь уровня времен колонии, особенно это касается горнодобычи. Страна жила в условиях хронического бюджетного дефицита, а с 40-х годов и инфляции, вызванной бимонетаристской политикой правительства. С другой стороны, положение в экономике было далеко от стагнации, застоя. Возникли новые экспортные отрасли: хина и гуано. Активно развивалась внутренняя торговля, в том числе при участии индейских общин. Сменившая после завоевания независимости стран Латинской Америки испанскую метрополию Англия не смогла сразу же овладеть огромным рынком на континенте. После первоначальных спекуляций, а также неудачных попыток освоения рудников Потоси английским капиталом в конце 20-х годов XIX века боливийский рынок остался свободным. Иностраный капитал ещё долго оставался сторонним и малоактивным наблюдателем в боливийской экономике. Народное хозяйство Боливии в первой половине XIX века формировалась на внутренней основе при минимальном воздействии извне. Потребности капиталистической метрополии (Европа и, в первую очередь, Англия) оказывали незначительное влияние на внутрирегиональную торговлю. Этот район Латинской Америки в первой половине XIX в. благодаря своей удаленности от мировых торговых путей и природным факторам, наличию собственного центра эмитента регионально признаваемых денег, в наименьшей степени по сравнению с другими странами испытывал влияние внешнего рынка, сохранил определенную степень автаркии и формировал свою экономику на внутренних основах.

Боливийское государство во второй четверти XIX века.

Независимость Боливии была завоевана Освободительной армией С.Боливар. С уходом роялистов рухнул весь колониальный аппарат управления. А.Х.Сукре писал Боливару о положении в освобожденном от испанского владычества Горном Перу: «Только прибыл сюда и не могу найти ни одного судью, никакой власти, с коей можно иметь дело, все уехали. Не могу сообщить Вам никаких сведений о ресурсах этой провинции, единственный источник

информации – местные жители²⁴²». Независимость Горного Перу была провозглашена 6 августа 1825 г. Новое государство приняло имя Освободителя Симона Боливара. В 1826 г. была принята написанная Боливаром конституция, создававшая новые органы исполнительной власти. Боливарианская конституция была выработана по образцу европейских. Она декларировала принципы равенства всех перед законом, свободу слова, занятий, отменяла сословные и феодальные институты, ликвидировала рабство, объявляла неприкосновенность частной собственности, жилища и личности. По конституции во главе государства стоял президент с практически неограниченными полномочиями, который выбирался пожизненно²⁴³. Это положение было изменено уже в 1831 г. при президенте А.Санта-Круссе. Президентский срок ограничивался 4 годами, глава государства назначал кабинет министров в составе: министра внутренних дел, министра финансов, военного министра и министра просвещения и культа. Внешняя политика поручалась одному из этих министров. Позднее добавилось и само министерство внешних сношений. При некоторых правительствах генеральный секретарь, как главный помощник президента, возглавлял кабинет и ведал внешней политикой.

Законодательная власть была представлена двухпалатным Конгрессом. В 1834 г. в Боливии было 20 сенаторов и 31 депутат. Боливийская избирательная система просуществовала практически без изменений более века, с 1839 г. по 1952 г. По боливийской конституции 1826 г. избирателем мог быть любой грамотный мужчина старше 21 года, не являющийся прислугой²⁴⁴. По закону 1839 г. требования ужесточились. До выборов допускались лишь мужчины старше 25 лет (женщины получили право голосовать только в 30-е годы XX века), умеющие читать и писать и имевшие доход не менее 200 песо в год.

Выборы длились 4 дня с 4 утра до 2 часов дня. Результаты голосования отправлялись в муниципальный совет, где на открытом заседании объявляли итоги²⁴⁵. При таком порядке оставалось много рычагов давления власти на избирателей. Помимо прямого нажима, запугивания и подтасовки существовал эффективный метод подавления оппозиции на выборах – лишение избирательных прав

²⁴² Lynch J. Caudillos en Hispanoamérica, P.59.

²⁴³ История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха – 70-е годы XIX века. С.371.

²⁴⁴ Irurozqui V.M. Op.cit., P.157.

²⁴⁵ Ibid., P.210.

за «предательство общественных интересов». Надо отметить, что при всей ущербности, с точки зрения соблюдения демократических процедур, боливийские выборы в XIX веке позволяли оппозиционным течениям вести легальную политическую борьбу. На выборах в Конгресс сторонники оппозиции всегда получали некоторое число мест. Прямые президентские выборы в Боливии проводились в 1840, 1844 и 1855 гг. При всей деспотичности диктаторских режимов оппозиция всегда сохраняла свои позиции в обществе и в политических институтах государства, что заставляло каудильо считаться с её мнением.

Президент назначал 7 членов Верховного суда, а также глав местной власти – 8 префектов департаментов²⁴⁶. Новые органы власти стали плодить многочисленную бюрократию в центре и на местах. Этот процесс был столь активным и затратным для бюджета, что в 1833 г. в послании к Конгрессу президент А.Санта-Крус потребовал сократить государственный аппарат на треть. Однако сделать ему этого не удалось. С 1835 г. рост числа чиновников продолжался²⁴⁷. Государственная машина обрастала бюрократией и все более становилась подобной ушедшей в прошлое испанской колониальной администрации.

Власть на местах была представлена префектами, возглавлявшими департаменты. Они фактически имели абсолютную власть, сравнимую лишь с интендантами колониального времени. Во главе провинции по-прежнему стояли губернаторы, которым подчинялись коррехидоры, опекавшие кантоны, то есть сельские районы. Губернаторы не только владовали в своих провинциях, но и получали 5% от собираемых ими местных налогов. Губернаторы кормились 3% от подушной подати на индейцев (напомним, что этот налог давал почти половину всех поступлений в бюджет государства). Коррехидорам по чину полагалось лишь 1% от общей суммы²⁴⁸. Повсеместными были злоупотребления и казнокрадство.

Слабым подобием местного самоуправления можно считать возникшие в 1845 г. Хунты собственников, а затем и Муниципальные хунты, в состав которых входили коррехидоры данного кантона, глава церковного прихода и мировой судья. С 1846 г. в самом низу городского самоуправления появилась должность алькальда

²⁴⁶ Demelas D.M. Op.cit., P.409.

²⁴⁷ Peralta Ruiz V., Irurozqui V.M. Op.cit., P.42 - 43.

²⁴⁸ Dalence J.M. Op.cit., P.172.

(мэра) квартала²⁴⁹. С завоеванием независимости права местных органов власти, их демократичность претерпели определенные негативные изменения. Кадисская конституция предоставляла избирательные права всем, в том числе и индейцам. В результате, на выборах в муниципалитеты маленьких городков на Альтиплано Сантьяго-де-Мачака в 1813 г. и Сан-Хосе-де-Вангвардия в 1814 г., то есть при испанской администрации, были избраны индейцы²⁵⁰. При республике всё изменилось, неграмотные индейцы не могли участвовать в выборах.

Муниципальные власти влачили довольно жалкое существование. Так, например, в таком крупном и богатом городе как Кочабамба основными доходами муниципалитета были налоги на городском рынке – 8.874 песо (около 30% общего бюджета), сборы на больницу – 9.936 песо, да петушинные бои – 523 песо в год. Кроме того, город был собственником нескольких домов в городской черте, сдаваемых в аренду, и поместий в пригороде, приносящих небольшой доход в 886 песо. Расходы строились таким образом: на содержание госпиталя в Кочабамбе и больницы в Миске уходило до 80% всех средств, 3% шло на зарплату служащим, столько же на общественные работы²⁵¹.

Одной из серьезных проблем Боливии был институционный разрыв между органами центральной и местной власти. В результате, мощнейшие центробежные тенденции, регионализм, обусловленный и географическими факторами, и экономическими связями, оказывали огромное влияние на боливийскую политику всего XIX века²⁵². В этом плане весьма своеобразная практика постоянной перемены фактического расположения правительства, Конгресса и президента играла своего рода централизующую роль. Правительство «кочевало» между официальной столицей Сукре (Чукисака) на юге и Ла-Пасом на севере, Конгресс собирался и в Сукре, и в Ла-Пасе, и в Оруро.

Для боливийских либералов XIX века сохранение и развитие муниципалитетов было гарантией свободы и демократии в стране, где, казалось бы, безраздельно господствовали военщина и кауди-

²⁴⁹ Irurozqui V.M. Op.cit., P.171.

²⁵⁰ Irurozqui V.M. La vecindad y sus promesas de vecino a ciudadano, Bolivia, 1810 - 1830.//Anuario.Archivo y Biblioteca Nacional de Bolivia. 2000. Sucre, 2000. P.223.

²⁵¹ ANB.MI.1850. T.134. No.31.

²⁵² Dunkerley J. Op.cit., P.165.

ль²⁵³. Отчасти так это было. Каудильо сам был воплощением государства и закона. Каудильо рассматривал государство как свою собственность. Гарантией свободы от произвола каудильо были выборы. При всей условности свободы выборов в Боливии XIX века само существование этого института, практика избирательных компаний создавали фундамент национального государства и гражданского общества. Выборы сплачивали различные социальные группы, укрепляли авторитет государства, способствовали формированию национального самосознания.

Особое место в обществе занимала Церковь. Число священнослужителей было немалым. Согласно Х.М.Даленсе, в Боливии в 40-е годы XIX в. их насчитывалось 3.301 человек (для сравнения, чиновников было на треть меньше)²⁵⁴. В отличие от других стран континента, в Боливии в первый же год существования независимого государства были проведены радикальные антиклерикальные реформы. Так как епископат до конца остался верен короне и поддерживал роялистов, высшие иерархи бежали вместе с колониальной администрацией, что дезорганизовало и ослабило сопротивление реформам Боливара и А.Х.Сукре. Если в первый период войны за независимость, когда революционеры Буэнос-Айреса попытались освободить Горное Перу, реакция местного населения на антиклерикальные эксцессы Каstellи, Монтеагудо и других привела к их поражению²⁵⁵, то политика А.Х.Сукре не затрагивала внешние проявления религиозности, не вызывала раздражения у верующих, но при этом разрушала экономические основы её могущества.

11 декабря 1825 г. Боливар ликвидировал капелании и церковные приюты, передав их в ведение государственных органов просвещения, а их капиталы направил в создаваемые Хунты милосердия. Уничтожая, как ему казалось, средневековые институты попечительства, Боливар наносил удар не только по церкви, но и по системе социальной помощи самым обездоленным. Его дело продолжил А.Х.Сукре, ликвидировавший своими декретами от 28 марта и 22 августа 1826 г. все мелкие монастыри (где было менее 12 монахов), а именно при них находились госпитали и приюты для бедных²⁵⁶. Так, исследователь периода правления А.Х.Сукре в

²⁵³ Dalence J.M. Op.cit., P.31.

²⁵⁴ Dalence J.M. Op.cit., P.207.

²⁵⁵ Ramallo J.M. La guerra religiosa en el Alto Perú (1811 - 1813)// Cuarto Congreso Internacional de Historia de América. Tomo V. Buenos Aires, 1966. P.300 - 322.

²⁵⁶ Barnadas J.M. La iglesia católica en Bolivia. La Paz, 1976. P.73.

Боливию У.Лофстром отмечал, что в 1827 г., то есть спустя два года после завоевания независимости, в Боливии из 40 монастырей оставалось лишь 7. В это же время в такой схожей по своим параметрам и структуре стране, как Эквадор, даже в 1853 г. сохранялось 40 монастырей и 400 монахов²⁵⁷. Собственность монастырей перешла к государству и должна была пойти на образование и строительство гражданских больниц, то есть на то, чем эти монастыри занимались. Однако, на практике ничего взамен создано не было, а средства пошли на погашение государственного долга, в том числе, и армиям Освободителей. В результате реформ 5% всей существовавшей городской и сельской собственности перешло от церкви к государству и частным лицам²⁵⁸. Конфискованное имущество послужило залогом гигантской суммы государственного займа 1827 г. в 3 млн песо. Впоследствии заемщикам перешла церковная собственность в счет погашения долга. Церковь не оказала сильного сопротивления, и это позволило А.Х.Сукре провести в Боливии практически такие же реформы, что были осуществлены во Франции после революции 1789 г.

А.Х.Сукре не хотел разрушения Церкви, а лишь её ограничения в рамках либеральной модели общества. Конституция 1826 г. объявляла католицизм государственной религией. После отъезда А.Х.Сукре из Боливии антиклерикальные акции властей закончились, а декрет А.Санта-Круса от 16 июля 1829 г. обещал охранять Святую религию и поддерживать Церковь. А.Санта-Крус предпринял первые шаги к по урегулированию отношений с Ватиканом. В 1834 г. в период существования Перуано-боливийской конфедерации при правительстве А.Санта-Круса был аккредитован представитель Рима²⁵⁹. При А.Санта-Кресе было установлено государственное жалование священникам.

Важнейшим политическим институтом в Боливии XIX в., как впрочем и в других странах региона, была армия. Боливия получила независимость из рук Освободительной армии Боливаря, состоявшей из колумбийцев и перуанцев. Хотя во время войны за независимость у Горного Перу не было своей армии, как у Аргентины или Колумбии, всё-таки вооруженные отряды повстанцев воевали многие годы в отдельных районах страны. Это была герилья, партизанские отряды, ополчение, контролировавшее целые освобож-

²⁵⁷ Lofstrom W.L. La presidencia de Sucre en Bolivia. Caracas, 1987. P. 229.

²⁵⁸ Peralta Ruiz V., Irurozqui V.M. Op.cit., P.94 - 95.

²⁵⁹ Ibid., P.98.

денные зоны – «республикеты». Когда экспедиционная армия Освободителей покинула Боливию, основу местных вооруженных сил составило ополчение этих «республикет». Например, батальон «Aguerridos» был создан на основе отряда генерала Хосе Мигеля Ланса²⁶⁰. С одной стороны, это был глубоко демократический по составу и происхождению институт, а с другой, система субординации носила неформальный характер местных и личностных связей. Эти отряды, унаследованные от герильи, представляли собой альтернативную государству форму власти и влияния, чрезвычайно привязанную к определенной местности, с сильными локальными интересами, а главное, замкнутую на определенного лидера, каудильо.

В этой армии не было профессиональной офицерской школы. Повышение по службе, присвоение чинов определялось личной преданностью и близостью к начальнику или каудильо, президенту. В такой армии перемещения офицеров из одного подразделения в другое или иную местность были крайне редки и являлись лишь реакцией высшего командования на возможные политические заговоры. Армия состояла из отрядов отдельных каудильо и большей частью подчинялась своим генералам или полковникам, а не президенту страны как главнокомандующему. Другой характеристикой такой неструктурированной армии была высокая социальная мобильность военных. Практически это был единственный путь продвижения по социальной лестнице для выходцев из народа. В этом смысле армия была инструментом демократии, посредством которого народные низы могли оказывать какое-либо влияние на политическую жизнь страны.

В армию принимали только белых и метисов, жителей городов. Индейцы в армии не служили. Это была привилегия, дарованная им ещё испанской короной. За освобождение от воинской повинности индейцы платили подушную подать, трибuto. Однако, несмотря не все кажущиеся выгоды службы в армии население, как могло, избегало призыва. Нередким явлением было дезертирство, а правительство прибегало к насильственному призыву. Путешествуя по Кочабамбе, Д'Орбиньи заметил группу людей, связанных по рукам и ногам и принял их за пойманных преступников. Однако, позднее ему объяснили, что «это были призывники, направлявшиеся в Кочабамбу, нежелание служить в армии заставляет власти ловить мужчин на праздниках или вытаскивать их из их

²⁶⁰ Valencia Vega A. Manuel Isidoro Belzu. P.23.

домов»²⁶¹. Как писал Даленсе, один военный служащий приходился на 300 жителей (белых и метисов). В этом отношении армия была довольно многочисленна. В 1828 г. боливийская армия насчитывала 2.700 человек, при А.Санта-Круссе – 4.500 человек²⁶². По данным Даленсе, в середине 40-х годов боливийская армия состояла из 4 батальонов пехоты, 2 кавалерийских полка и 2 взводов артиллерии. Всего – 2.669 человек. При этом, 1 генерал приходился на 102 солдата, и 1 офицер – на 6 солдат. Армия практически состояла из офицеров и генералов. Неудивительно, что во время военных действий дезертирство солдат принимало массовый характер.

Помимо армии существовала плохо вооруженная нерегулярная национальная гвардия, насчитывавшая 18.536 человек. В Кочабамбе, например, числилось 4.092 пехотинцев и 1.639 конных национальных гвардейцев. Это была довольно значительная сила, игравшая порой решающую роль во время политических конфликтов.

Содержание армии тяжелым грузом ложилось на плечи государства. На неё уходила половина бюджета страны, – 1.005.120 песо в год²⁶³. Президент Х.М.Веласко в 1840 г. предпринял первую попытку сократить армию, однако перуанское вторжение вынудило увеличить вооруженные силы. Следующей попыткой была реформа Бальивиана. В 1843 г. он отправил в отставку сотню офицеров, но при этом все еще оставалось 36 генералов и 650 офицеров при армии в 2.300 – 3.000 человек. Президент Бальвиан предлагал использовать бывших военных в колонизации Санта-Круса и Бени. Предполагалось выделить генералам и полковникам по 16 топов земли, капитанам по 8, а солдатам по 4, снабдив их орудиями труда и снабдив их жалованием на один год. Этот проект не был реализован из-за оппозиции ему со стороны самих военных. В итоге Конгресс принял закон, по которому отставные офицеры получали не землю, а пенсию, которую должны были выплачивать местные бюджеты департаментов под гарантии Монетного двора в Потоси, но денег катастрофически не хватало, и при Бальвиане стали платить бонами, которые не были обеспечены ничем.

В результате этой реформы возникла новая категория военных: офицер без места приписки (*oficiales sueltos en plaza*). Эта была масса уволенных со службы по реформе Бальивиана офицеров, ко-

²⁶¹ D'Orbigny A. Op.cit., P.613.

²⁶² Demelas D.M. Op.cit., P.403.

²⁶³ Dalence J.M. Op.cit., P.305 - 307.

торые продолжали получать жалование, сохраняли свой офицерский статус и соответствующие привилегии, но при этом не подчинялись командованию, существовали без места службы, жительства и без определенных занятий. Они кочевали по боливийским городам, примыкали к тем или иным политическим заговорам, восстаниям, мятежам или к бандолеро (бандитам). Отставные военные представляли собой огромную проблему в политической жизни. Правительство стремилось решить финансовую проблему офицеров, но средств не хватало. Отставные офицеры обходились бюджету в 112.145 песо в год, в то время как находящиеся на действительной службе – 100.346 песо²⁶⁴. Влияние отставного офицера на политику и власть было огромным.

В первые десятилетия после завоевания независимости власть в Боливии принадлежала исключительно военным (единственным гражданским президентом был Х.Линарес (1857 - 1863 гг.)). Обращает на себя внимание тот факт, что находившиеся у власти генералы и высшие офицеры не стремились овладеть главным богатством страны – серебряными рудниками. Не было попыток перераспределения собственности, более того была сохранена государственная монополия на серебро и золото. Военные предпочитали контролировать государство, являвшиеся орудием перераспределения ресурсов, накапливаемых в горной отрасли²⁶⁵. С ослаблением армии в 60 - 70-е годы (при Мельгарехо её численность не превышала 500 человек) и деградацией институтов власти, вызванной постоянным вмешательством военных каудильо в политическую жизнь страны, эта госмонополия была отменена, и военные потеряли всякий контроль над самой доходной отраслью боливийской экономики. Военные каудильо не породили ни одного серьезного экономического клана, не смогли конвертировать свою почти неограниченную власть в экономические преимущества и собственность.

Активное участие в политической борьбе принимала пресса. Газеты в Боливии были штабами политических партий. По образному выражению крупного боливийского историка Гуннара Мендосы, газеты были энциклопедией чувств и мыслей боливийцев в ту эпоху²⁶⁶. Практически все главные редакторы газет и видные журналисты были значимыми политическими фигурами. В прессе

²⁶⁴ Dunkerley J. Op.cit., P.158 - 160.

²⁶⁵ Ibid., P.160 - 161.

²⁶⁶ Unzueta F. Op.cit., P.46.

находим отражение политической борьбы и настроений общества. Газеты «Эль Ирис де Ла-Пас» и «Эль Боливиано» поддерживали А.Санта-Круса. Рупором администрации Бальивиана были «Ла Эпока» и «Эль Рестауратор». Всего в период с 1825 г. по 1855 г. в Боливии выходило 215 газет²⁶⁷. Наряду с элитарными изданиями, выходили в свет «лубочные» листки с политическими эпиграммами, карикатурами и уличной поэзией²⁶⁸. В 40 - 50-е годы появились газеты, например, «Эль Чоло», выражавшие интересы ремесленников, городских низов. Язык изложения в этих изданиях был народно-лубочный, отнюдь не изысканный, как в «серьезных» газетах. Политический плюрализм проявлялся в деятельности прессы. Надо признать, что боливийские власти, даже в период диктатуры, уважали свободу слова, и оппозиция всегда имела свои печатные органы.

В 1848 г. на каждые 15 тысяч жителей приходилось одно ежедневное издание и 4 еженедельных, ежемесячных и с прочей периодичностью. В 1848 г. в Ла-Пасе издавалось 3 ежедневных газеты, 3 – с двухнедельной периодичностью, 2 – раз в неделю, и 4 – выходящих от случая к случаю. И это на 43 тысячи жителей, среди которых читающей публики было не более 7 - 10 %. В столице, в г.Сукре (19 тысяч жителей) издавались одна ежедневная, 2 еженедельные, две двухнедельные и 2 со случайной периодичностью газеты. Серьезные издания имели до 200 подписчиков (в 1845 г. «Ла Эпока» опубликовала список из своих подписчиков – 200 человек)²⁶⁹.

«Ла Эпока» была основана 1 мая 1845 г. аргентинскими иммигрантами-унитариями Доминго де Оро и Бартоломе Митре. Это издание в период правления Бальивиана возглавило либеральную, фритредерскую партию. Газета выступала за полную либерализацию торговли, в том числе и серебром. Их оппонентом была «Эко де Потоси», отстаивающая монополию своего города на выплавку и торговлю серебром. «Ла Эпока» была главным рупором либерализма. Этой партии удалось лишь добиться некоторого ослабления протекционизма, установленного при А.Санта-Крусе. Газета отменяла все обвинения в разорении ремесленников, писала, что последние страдали от безделья, пьянства и поголовно все нечисты

²⁶⁷ Ibidem.

²⁶⁸ Montenegro С. Op.cit., P.27 - 37.

²⁶⁹ Ibid., P.56.

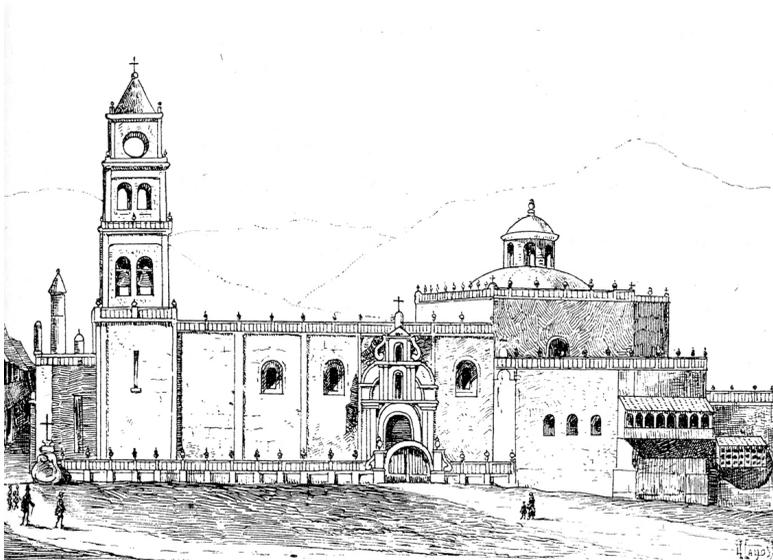
на руку²⁷⁰. Впоследствии «Ла Эпока» перешла под контроль сторонников Бельсу и сменила свою ориентацию.

Народные массы также осторожно восприняли приход нового времени и крушение старого патерналистского государства. Самые простые люди страдали от свободы, ибо теперь их не защищал патрон, и их могли занять на общественных работах, взять в армию²⁷¹. Это чувство незащищенности усиливалось крушением системы социального вспомоществования, которую в колониальную эпоху поддерживала Церковь. Закрытие больниц и мелких монастырей лишало помощи, приюта и пропитания самых обездоленных групп населения. Народ настороженно, а часто и враждебно реагировал на либеральные нововведения Боливара и Сукре.

Боливийское общество в первые десятилетия XIX века, атомизированное по своей структуре, только формировало отдельные направления, партии, выражавшие лишь отчасти общенациональные интересы. Регионализм, разобщенность одних и тех же социальных групп в различных районах страны делали маловероятным формирование национальных партий. Боливийская политическая элита формально восприняла фундаментальные принципы либерализма: свободу совести, слова, экономической деятельности, разделение властей и не спешила с их полной реализацией. Борьба в боливийском обществе развернулась вокруг частных, хотя и важных проблем экономической жизни, таких как: ограничение торговли драгоценными металлами, свободная торговля с границей и прочее. Весь XIX в. проходил на фоне непрекращающейся борьбы за власть между различными группами, представлявшими интересы местной верхушки. Вместе с тем, появилась и тенденция вертикальной структурированности общества, объединения социальных слоев и групп вокруг общих интересов в национальном масштабе. Объединяющим началом оставались армия и верховная власть в лице президента-каудильо.

²⁷⁰ Pérez C. Caudillos, comerciantes. P.344 - 345.

²⁷¹ Lynch J. Caudillos en Hispanoamérica, P.184 - 185.

Кафедральный собор в Сукре (Чукисака).